
ЛОГИКА СЕГОДНЯ

Василий Лурье¹, Ольга Митренина²

НЕПРЯМЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ И НЕКОНСИСТЕНТНЫЕ ЛОГИКИ

Аннотация. Предлагается новый подход к семантике не прямых значений в естественном языке (прежде всего, но не только, поэтических тропов), особенностью которого по сравнению с теориями ближайших предшественников (с одной стороны, многомировой семантикой поэтических тропов у Я. Хинтикки и Г. Санду и, с другой стороны, прагматической теорией метафоры Д. Дэвидсона) является ее основанность на неконсистентной логике (то есть на логиках, допускающих разного типа противоречия). По мнению авторов, коммуникация с помощью не прямых значений основана на человеческой способности мыслить противоречиями.

Ключевые слова: формальная семантика, неконсистентные логики, паракомплектная логика, контрарные противоречия, параконсистентная логика, субконтрарные противоречия, диалетическая логика, контрадикторные противоречия, диалетеизм, не прямые значения, поэтические тропы, метафора, метонимия, юмор, загадки.

Basil Lourié, Olga Mitrenina

INDIRECT MEANINGS IN NATURAL LANGUAGE AND INCONSISTENT LOGIC

Abstract. A new approach to the formal semantics of indirect meanings (e.g. poetical tropes, etc.) is proposed. Its main difference from its closest predecessors (Hintikka and Sandu's multiworld semantics of indirect meanings and Davidson's pragmatic theory of metaphor) is to be semantics of inconsistent logics, that is, those types of logic that allow some kinds of

¹*Лурье Вадим Миронович* — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск).

Basil Lourié, PhD, Leading Research Fellow in the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

hieromonk@gmail.com

²*Митренина Ольга Владимировна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Olga Mitrenina, PhD, Associate Professor, Department of Mathematical Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University.

o.mitrenina@spbu.ru

contradiction. According to the authors, communication with indirect meanings is based on the human capacity to think using contradictions.

Keywords: formal semantics, inconsistent logics, contradiction, paraconsistent logic, para-complete logic, dialethic logic, dialetheism, meaning lines, indirect meaning, poetical tropes, metaphor, metonymy, humour, riddles.

1. Метафора: семантика или прагматика?

(1) Мы — лёд под ногами майора.

Так Егор Летов («Мы — лёд», 1987 г.) определяет состояние своего лирического героя и его друзей. Истинно или ложно это предложение?³

Альфред Тарский, предлагая определение истинности для формальных языков логики, выражал скепсис относительно возможности аналогичной формализации понятия истинности для естественного языка. Он отмечал, что «...сама возможность последовательного и при этом согласного с основаниями логики и духом обыденного языка употребления понятия „истинное высказывание“ и, как из этого следует, возможность построения какого бы то ни было корректного определения этого понятия находится под большим вопросом» (Tarski 1935: 279). Ричард Монтегю решил использовать методы теоретико-модельной семантики для описания естественных языков. Он считал эту задачу «простой и не слишком важной»⁴. Монтегю разработал интерпретацию «фрагмента английского языка», но расширить эту интерпретацию на все явления языка не удавалось.

Одной из главных сложностей для всеобъемлющего формального описания языка (а не его фрагмента) стали выражения с непрямыми значениями: поэтические тропы, загадки, шутки. Едва ли не главную проблему здесь создавал вопрос об истинности таких выражений.

Обычно исследователи сосредотачивались из всех видов поэтических тропов только на одном — метафоре, но и это можно считать довольно репрезентативным, если иметь в виду классификацию поэтических тропов, представленную Р. О. Якобсоном в 1963 году (Jakobson 1971) [рус. пер.: (Якобсон 1985: 287–300)], в которой все они располагаются между двумя «полюсами» — метафоры и метонимии⁵.

³Мы чрезвычайно благодарны И. Б. Микиртумову и Д. Б. Тискину за критику и многочисленные замечания к более ранним вариантам настоящей работы. Понимая, что мы все-таки не сможем их сделать сторонниками нашего подхода, мы хотели бы сказать, что они помогли нам разъяснить многие вещи даже и для себя самих. Сердечно благодарим также Е. В. Борисова за конструктивную критику доклада по теме статьи в Томском государственном университете.

⁴Его запись об этом приводится в (Partee 2013: 434–435).

⁵Метафора подробно изучается также в когнитивной психологии, где ей посвящено огромное количество работ. Мы не будем рассматривать их здесь, поскольку они не дают привязки к языку.

Ранние теории рассматривали метафору как семантическое явление. До 1960-х годов определение Аристотеля (*Поэтика* XI, 1457b) обычно не ставилось под сомнение. Оно трактовало метафору как некоторое сравнение, в котором сопоставительные слова типа «похожий на» и «словно бы» опущены, но подразумеваются. Такой анализ перестал удовлетворять философов языка, которые понимали, что метафора содержит в себе еще что-то помимо сравнения.

В XX веке подход Аристотеля был доработан с использованием фрегианского различия между смыслом (*Sinn*) и значением (*Bedeutung*). «Обычное» и «метафорическое» значение рассматривались как слова с разным значением (*Bedeutung*) так, будто бы они являются омонимами. Этот подход был отвергнут большинством философов после его убедительного опровержения, предложенного Джоном Сёрлом (Searle 1979: 76–103), отчасти Дональдом Дэвидсоном в 1978 году (Davidson 1984), а также Яакко Хинтиккой и Габриэлом Санду (Hintikka, Sandu 1998 [1994]), о теориях которых будет рассказано далее.

Современные семантические теории опираются на формальную семантику Монтегю. В том виде, в каком она была предложена в 1960-е и 1970-е годы, она не предлагала удовлетворительных способов анализа не прямых значений. Были возможны три стратегии для исправления этой ситуации, и все они были реализованы:

- **Семантическая стратегия.** Попытаться доработать формальную семантику Монтегю так, чтобы она вмещала в себя анализ метафоры.
- **Прагматическая стратегия.** Объяснить, почему семантика Монтегю не должна охватывать не прямые значения, т. е. показать, что они не принадлежат семантике. На практике это означало помещение их в область прагматики.
- **Гибридная стратегия.** Компромисс между двумя предыдущими стратегиями.

Вначале самой перспективной показалась гибридная стратегия, состоявшая в том, чтобы при анализе не прямых значений совместить семантику с прагматикой. В ее основе лежали идеи Пола Грайса, высказанные в 1960-х годах, хотя и опубликовавшиеся лишь с 1975 года (Grice 1975)⁶. В контексте своих исследований прагматики Грайс уделил внимание метафоре и иронии.

Согласно Грайсу, слова в метафоре или иронии не имеют своего обычного значения. Вместо этого у них появляется какое-то особое значение, которое подразумевает говорящий. Это, по Грайсу, разновидности тех значений, которые возникают в прагматике, Грайс назвал их импликатурами. Итак, по Грайсу, метафора и ирония — разновидности импликатур. Например, метафоричное выражение *You*

Мы рассмотрим основные теории, предлагающие анализ не прямых значений в языке, учитывая, что поэтический язык является частью естественного языка. Более подробный обзор в (Louié, Mitrenina 2015).

⁶Эта статья вместе с другими работами по той же тематике были переизданы как Part I в (Grice 1989).

are the cream in my coffee («Ты — сливки в моем кофе») подразумевает, что собеседник — самое лучшее, что есть в жизни говорящего.

В современных теориях прагматики имплицатуры рассматриваются как явления, принадлежащие прагматике и семантике языка в равной степени или, точнее, как явления, возникающие на нечеткой границе между прагматикой и семантикой (Долгоруков, Зевахина, Попова 2021). Поэтому уже у Грайса стратегия трактовки метафоры и иронии была, по сути, гибридной, хотя и формулировалась как прагматическая.

Развивая идеи Грайса, Джон Сёрл сформулировал эксплицитно гибридную теорию не прямых значений. Он предложил противопоставить два разных значения:

1. *словарное значение* (или *значение предложения*) — то значение, которое слово (или предложение) имеет в обычном непоэтическом языке;
2. *значение говорящего* (или *значение высказывания*) — новое значение, которое говорящий приписывает слову или предложению.

Этот подход был раскритикован (прежде всего, Дэвидсоном, а затем Хинтиккой и Санду), в частности и потому, что неясным становится вывод значения предложения в том случае, когда некоторые слова используются в своем словарном значении, а другие — в значении говорящего. Кроме того, неясно, как эти многочисленные значения говорящего взаимодействуют с обычными значениями слов. Значения говорящего относятся к прагматике, но единая теория, охватывающая семантику и прагматику, Сёрлом не была представлена.

Что касается прагматической стратегии, то самая последовательная попытка полностью вытеснить метафору из семантики в прагматику принадлежит Дональду Дэвидсону (Davidson 1984). Он отрицал «метафорическое значение» в смысле Сёрла или Грайса и настаивал на том, что слова, образующие метафору, не имеют никаких других значений, кроме обычных «словарных». При этом саму метафору он относил к области прагматики, а не семантики. Дэвидсон считал, что метафора — это случай прямой отсылки. Но это не «токен» (в смысле Рут Баркан Маркус), а картинка. Используя английскую поговорку *A picture is worth a thousand words* («Одна картина стоит тысячи слов»), он пишет:

Сколько фактов или предложений передает картина? Ни один, бесконечность или один великий неопровержимый факт? Невеселый вопрос. Картина не стоит ни тысячи слов, ни любого другого их числа. Слова — это не та валюта, которой оценивается картина. (Davidson 1984: 263)

Дэвидсон считал, что понимание метафоры находится за пределами языкового общения и синтаксиса: «Метафора заставляет нас видеть одну вещь как другую с помощью какого-нибудь прямого утверждения, которое вызывает или подсказывает инсайт» (там же). Этот инсайт, вызывающий «картину», и является основной целью использования метафоры, иронии и других не прямых значений.

Наконец, Яакко Хинтикка и Габриэл Санду наиболее последовательно постарались реализовать семантическую стратегию — доработать теорию Монтегю так, чтобы она описывала не прямые значения единообразно с прямыми значениями. Основное их возражение против «выталкивания» метафор в прагматику состояло в том, что, «метафора — это нечто из области значения, а не употребления» (Hintikka, Sandu 1998 [1994]: 172–177). Чтобы показать это, они приводили ряд примеров, когда понимание метафоры не зависит от ближайшего контекста, то есть того контекста, о котором говорят обычно при рассмотрении прагматики.

Хинтикка и Санду считают, что метафорические значения и неметафорические — это значения в одном и том же привычном смысле слова, поэтому для них должна быть одна общая формальная семантика. Согласно Хинтикке и Санду, прямое значение устанавливается в пределах одного мира, как это было в аутентичной семантике Монтегю, но не прямое значение устанавливается посредством соответствия между двумя объектами, которые находятся в разных возможных мирах. Это соответствие они назвали *линиями значения* (meaning lines). *Линии значения* — это слегка переименованный термин Дэвида Каплана *мировые линии* (world lines)⁷. Мировые линии устанавливают идентичность объектов, которые принадлежат к разным возможным мирам, а линии значения устанавливают идентичность лишь некоторых признаков разномировых объектов, но не самих объектов. Используя классификацию поэтических тропов Р. О. Якобсона, Хинтикка и Санду разделили не прямые значения на метафорические (основанные на отношении сходства) и метонимические (основанные на отношении смежности).

Если посмотреть внимательнее, теория Хинтикки и Санду просто переводит на современный язык учение Аристотеля. Аристотель утверждал, что в метафоре подразумевается сравнение, а Хинтикка и Санду сказали, что метафора образуется установлением линии значения между двумя возможными мирами. Но ведь и линия значения в случае метафоры связывает сходные признаки (а в случае метонимии — смежные). Это значит, что те возражения, которые выдвигаются против семантической теории Аристотеля, будут применимы и здесь. Не исключая и самого главного возражения: после Хинтикки и Санду так и осталось непонятным, почему поэтическая речь сопротивляется прозаическому пересказу.

2. Логические основания предлагаемой теории

В 1987 году один из основоположников современных исследований неконсистентных логик Лоренцо Пенья предположил, что в поэтическом языке используется неконсистентная логика (Peña 1987). Он выдвинул сразу три гипотезы, разной степени правдоподобия, относительно возможной логической структуры поэтических выражений, оговаривая при этом, что ни одна из его гипотез не предлагает

⁷Каплан успел отказаться от понятия, для которого придумал этот термин, раньше, чем его ставшая популярной в рукописи статья была опубликована, см. сноску в (Kaplan 1979: 88).

достаточно полной интерпретации. Эти гипотезы до сих пор могут представлять некоторый интерес⁸, но самое главное, что в этой работе было впервые сделано заявление о том, что поэтический язык использует неконсистентную логику, то есть подразумевает такой тип логического исчисления, в котором допускаются противоречия.

В метафоре два объекта объявляются одновременно разными и идентичными: формулируется пропозиция, которая находится в очевидном конфликте с неформулируемой, но подразумеваемой пропозицией относительно положения дел в актуальном мире говорящего⁹. Мы полагаем, что подразумеваемое логическое исчисление является неконсистентным, а точнее, параконсистентным, то есть допускающим субконтрарные противоречия. Аналогичные рассуждения мы будем применять и к другим видам не прямых значений.

Исторически — со времен Аристотеля и до Хинтикки и Санду включительно — самым частым возражением против такого подхода было указание на тот факт, что «те противоречия, которые обыгрываются тропами, всегда имеют классическую непротиворечивую интерпретацию»¹⁰. Действительно, противоречия, которые обыгрываются, такую интерпретацию всегда имеют, — но следовало бы доказать, что эта интерпретация адекватна самому тропу, то есть тому, ради чего он формулировался. Опознает ли такую интерпретацию как свою собственную мысль автор поэтического высказывания? Вызовет ли она такой же интерес, как сам поэтический троп, у аудитории? — Если нет, то такая интерпретация будет произвольной игрой ума. Если бы непротиворечивые интерпретации поэтических тропов были адекватны их содержанию, то стихи можно было бы без особого ущерба пересказывать прозой.

Непротиворечивая интерпретация поэтического тропа возникает тогда, когда он лежит бездыханный под ножом аналитика. Пока он дышал — никакой интерпретации не было: был инсайт.

Из тех логиков, которые занимались метафорой, это хорошо понял только Дэвидсон, но обычные люди это знают прекрасно: они любят поэзию не за то, что в ней можно пересказать прозой, и смеются шуткам не тогда, когда им объясняют, в чем был юмор.

В не прямых значениях есть некий смысл, который важно не упустить. Интерпретация вдоль непротиворечивых линий значения Хинтикки и Санду (или, если угодно, самого Аристотеля) может совершиться только над мертвым телом метафоры — не раньше, чем этот смысл от материального тела метафоры отлетел.

⁸Особенно в той части, где Пенья касается языка богословия и мистики.

⁹Здесь и ниже мы будем избегать онтологических утверждений относительно абсолютной актуальности какого-либо мира. Актуальный мир говорящего для нас будет актуальным, даже если сам говорящий принадлежит к воображаемому миру литературного произведения или является лирическим героем стихотворения.

¹⁰Цитируем дословно возражение И. Б. Микиртумова.

В следующих разделах мы предложим более формальное описание непрямых значений, которое развивает анализ Хинтикки и Санду на основе неконсистентных логик. Мы покажем, что разным видам непрямых значений соответствуют разные неконсистентные логики. А в этом разделе будет дан краткий обзор основных типов неконсистентных логик¹¹. Отдельно будет сказано о гораздо менее изученной области — соответствующих разным логикам типах идентичности¹².

Говоря о неконсистентных логиках, мы будем использовать терминологию, предложенную в 1975 году перуанским логиком Франсиско Миро Кесада (Francisco Miró Quesada, 1918–2019), вскоре, после некоторой доработки, ставшую общепринятой. Неконсистентные логики разделяются на три вида в зависимости от того, какого типа противоречия они допускают. Эти три типа следующие:

1. паракомплектная (допускающая контрарные противоречия),
2. параконсистентная (допускающая субконтрарные противоречия),
3. диалетическая (допускающая контрадикторные противоречия).

Эти виды противоречий удобно показать на логическом квадрате пропозиций¹³:

Контрарное противоречие — это противоречие между «все S суть P » и «никакие S не суть P ». Согласно консистентной логике (Аристотеля и не только), эти две пропозиции не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными (если только некоторые — но не все — S суть P). Если же им разрешить быть одновременно истинными, то получим нарушающую закон исключенного третьего **паракомплектную логику**. S , удовлетворяющее паракомплектной конъюнкции «все S суть P » и «никакие S не суть P », должно обладать свойством $S \neq S$ (поскольку истинно, что все S суть P , но также истинно, что никакие S не суть P). Тут S теряет идентичность самому себе, но хотя бы не приобретает идентичности с чем-то посторонним.

О понятии идентичности мы скажем подробнее чуть ниже, а пока будет достаточно интуитивного представления. Чтобы сделать наши рассуждения более очевидными для не-логиков, мы будем использовать знаки равенства и неравенства

¹¹Подробнее об истории и современном состоянии неконсистентных логик см. (Priest, Tanaka, Weber 2018) (с дальнейшей библиографией). Авторы датируют терминологию Кесады 1976 годом, но еще годом раньше она была им использована в переписке с Ньютоном да Костой.

¹²Подробно см. (Loulié 2019). Здесь вводится понятие супер-рефлексивной идентичности, подразумеваемой в параконсистентной логике, и дается сравнение с дуальным по отношению к нему отношением неререфлексивной идентичности, подразумеваемой в паракомплектной логике, которое было описано не так давно для нужд некоторых новых формализаций квантовой механики, см. (French, Krause 2006; Arenhart, Krause 2012; da Costa, de Ronde 2014).

¹³Мы сознательно заменяем более привычную формулировку частноотрицательного суждения «некоторые S не суть P » другой формулировкой, в которой видна непосредственно контрадикторность частноотрицательного по отношению к общеутвердительному и не производится замена «не все суть» на «некоторые не суть». Ко всем этим нюансам, неважным для классической логики, приходится проявлять особое внимание при переходе к логикам неконсистентным. См. подробно в этой связи о частноотрицательном суждении: (Béziau 2003; 2012).

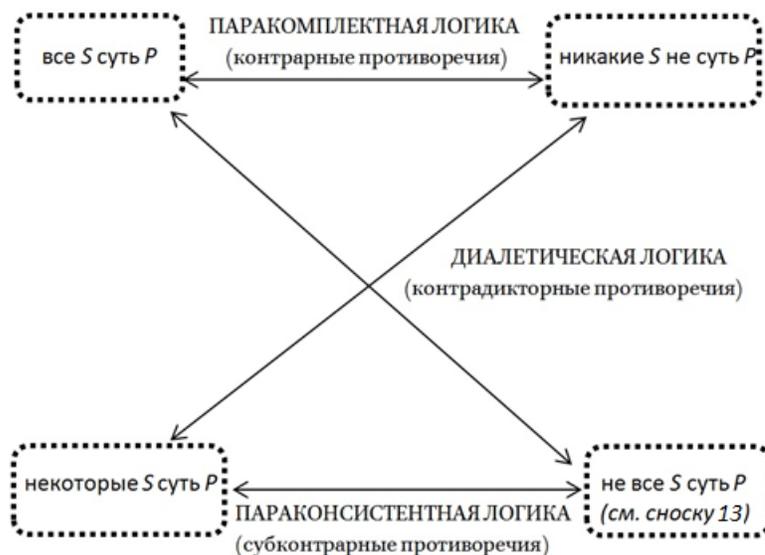

Рис. 1: Неконсистентные логики и соответствующие им виды противоречий в логическом квадрате пропозиций

для отношения идентичности между самими объектами, а не их обозначениями в языке. В частности, выражение $S \neq S$ означает, что некий объект S не идентичен сам себе.

Субконтрарное противоречие — это противоречие между «некоторые S суть P » и «не все S суть P ». Согласно консистентной логике, две этих пропозиции могут быть одновременно истинными (если только некоторые — но не все — S суть Q), но не могут быть одновременно ложными. Параконсистентная логика разрешает им быть одновременно ложными. Тогда она допускает, что ложно, что некоторые S суть P (тем самым она разрешает всем S быть Q), и что при этом ложно, что не все S суть P (тем самым она требует от всех S быть P)¹⁴. В итоге это допускает конъюнкцию $S = Q$ и $S = P$, хотя $Q \neq P$. Здесь S приобретает идентичность чему-то другому, но хотя бы не теряет идентичности самому себе.

Контрадикторное противоречие объединяет в себе контрарное и субконтрарное. Оно одновременно нарушает и принцип исключенного третьего, и принцип непротиворечия. В логическом квадрате пропозиций контрадикторных противоречий два: одно между «все S суть P » и «не все S суть P », а другое между «никакие S не суть P » и «некоторые S суть P ». Консистентная логика запрещает

¹⁴Это наше рассуждение очевидно при той формулировке частичноотрицательного суждения, которую мы использовали. Формулировка «некоторые S не суть P » подразумевала бы в качестве своего отрицания «никакие S не суть не- P », то есть вместо требования для всех S быть P тут бы оказался запрет для них быть не- P , а вместе с запретом быть P это дало бы конъюнкцию, нарушающую только закон исключенного третьего.

ет таким пропозициям быть как одновременно истинными, так и одновременно ложными. Диалетическая логика¹⁵ разрешает им сразу и то, и другое. Тогда мы получаем конъюнкцию «все S суть P » и «все S суть не- P », которой соответствует $S = \neg S$.

Во всех трех этих логиках отношение идентичности перестает быть рефлексивным. В паракомплектной логике оно становится нерефлексивным ($S \neq S$). В материальном мире в качестве объектов с нерефлексивной идентичностью можно привести квантовые объекты (например, электроны), количество которых можно посчитать, но, как сказал в популярной лекции Эрвин Шредингер, они различаются между собой так же, как доллары на банковском счете: посчитать их можно, а различить и выстроить по порядку нельзя. Разумеется, квантовая теория допускает и другие логические интерпретации, выбор между которыми приходится делать на основании не логических, а философских предпочтений, но с логической точки зрения интерпретация, основанная на паракомплектной логике, выглядит не хуже других¹⁶.

В понятии нерефлексивной идентичности, которое оказалось особенно хорошо разработанным ради нужд квантовой механики, можно заметить некоторую трансформацию и самого понятия идентичности; мы скажем об этом подробнее в разделе 5.

Нарушение рефлексивности отношения идентичности в параконсистентной логике выражается в свойстве, которое мы назвали (Louigié 2019) супер-рефлексивностью: $S = P$, но при этом оно заодно равно Q , которое вовсе не P . Это как раз логика метафоры, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе.

Нарушение рефлексивности отношения идентичности в диалетической логике ($S = \neg S$) предполагает сразу и нерефлексивность, и супер-рефлексивность. В естественном языке это отношение часто встречается, о чем подробно будет сказано в разделе 8.

3. Как работает метафора: описание

Хинтиikka и Санду не объясняют, за счет чего «работает» метафора. Выражаясь метафорически, они производят аутопсию метафоры — ее посмертное вскрытие. Такое вскрытие показывает анатомию живого организма, но не показывает этот

¹⁵Мы будем использовать этот термин, поскольку устоявшейся общепринятой терминологии тут пока нет. Одно из альтернативных названий — не-алетическая (non-alethic) логика. Название типа логики следует отличать от названия философской доктрины «диалетеизм», сформулированной в 1981 году Грэмом Пристом, согласно которой некоторые пропозиции, содержащие противоречия, могут быть истинными не в тривиальном смысле (Priest, Berto, Weber 2018). В таком философском смысле все предлагаемые в настоящей статье рассуждения находятся в русле диалетеизма.

¹⁶Основную библиографию по паракомплектной интерпретации квантовой механики см. выше, сноски 12.

организм в жизни, то есть дает доступ к анатомии без физиологии. Но что придает метафоре жизнь, отличая ее от простого сравнения? Мы полагаем, что это тот самый инсайт, который был описан Дональдом Дэвидсоном. Он утверждал, что метафора работает только в тех случаях, когда возникает инсайт, озаряющая вспышка¹⁷. При этом он считал, что инсайт находится за пределами семантики, и относил его полностью к прагматике.

Мы разделяем убеждение Дэвидсона в том, что без инсайта нет метафоры, но полагаем, что анатомический анализ Хинтикки и Санду нужно соединить с описанной Дэвидсоном физиологией. Для этого нужно пересмотреть понимание линий значения.

Образующие метафору линии значения у Хинтикки и Санду отмечают тождество признаков: это признаки либо сходства (в случае метафоры), либо смежности (в случае метонимии). Но в метафоре мы имеем идентичность самих объектов, а не их признаков. В этом отношении метафоры образуются тем, что похоже на каплановские мировые линии. Но есть принципиальное отличие: **в метафоре тождество объектов осуществляется на фоне их различия**, о котором никто не забывает.

Однако если два объекта объявляются одновременно разными и идентичными, то мы имеем дело с параконсистентной логикой — с тем видом неконсистентных логик, который основан на допущении субконтрарного противоречия. Как и во всех видах неконсистентных (допускающих противоречия) логик, в ней не действует принцип *ex contradictione quodlibet* — «из противоречия следует что угодно». В случае метонимии мы будем иметь дело с другой логикой, но тоже неконсистентной — паракомплектной (подробнее об этом будет в разделе 7).

В таком случае мы можем объяснить инсайт. **Инсайт — это переживание противоречия.** О том, что противоречие переживается как инсайт, хорошо написал американский математик Джеймс Сильвестр (1814–1897): «Как молния очищает воздух от неприятных ядовитых испарений, так пронзительный парадокс освобождает человеческий разум от усыпляющего влияния скрытых и неосознанных допущений. Парадокс — убийца предубеждений»¹⁸.

¹⁷Причина особой значимости инсайта, о котором говорит Дэвидсон, нуждается в особых исследованиях, но можно сказать с уверенностью, что она связана с какими-то основами понимания людьми друг друга и ролью в этом естественного языка. Вероятно, это почувствовал Витгенштейн, когда говорил о грамматически правильных, но «бессмысленных» предложениях, что они ни о чем не говорят, но «показывают» то, о чем невозможно сказать. По крайней мере, в таком направлении предлагает реконструировать мысль Витгенштейна Лоренцо Пенья, и это направление мысли интересно само по себе, даже если бы оказалось, что сам Витгенштейн в эту сторону не смотрел (Peña 1985).

¹⁸«As lightning clears the air of unpalatable noxious vapors, so an incisive paradox frees the human intelligence from the lethargic influence of latent and unsuspected assumptions. Paradox is the slayer of Prejudice» (Sylvester 1909 [1875]: 36). У Сильвестра это было сказано по поводу одного из так называемых кинематических парадоксов, то есть таких явлений, которые представляются пара-

Нерв метафоры образован параконсистентным противоречием. Некоторый набор признаков устанавливает идентичность двух объектов в разных мирах, сохраняя при этом их различие. Объект в мире буквального значения идентифицируется с объектом в мире поэтического значения, но при идентичности объектов различие между ними сохраняется.

Мы опишем это более формально в разделе 5, но перед этим рассмотрим работу метафоры чуть подробнее.

(2) Моя начальница — египетская кобра.

В тех мирах, где у предложения (2) буквальный смысл, оно либо заведомо ложно, либо заведомо истинно. В актуальном мире говорящего начальница не является ядовитой змеей из семейства аспидов, имеющей научное наименование *Naja haje*; в этом мире предложение (2) ложно — причем ложно заведомо. В то же время можно представить себе бесконечное множество возможных миров, в которых это утверждение будет в буквальном смысле истинным: в этих мирах начальница является египетской коброй. В этом смысле предложение (2) заведомо истинно: всегда можно представить себе такие возможные миры, в которых будет истинным что угодно. Даже если бы начальница оказалась не египетской коброй, а круглым квадратом, то предложение оказалось бы заведомо истинным в бесконечном числе других возможных миров (но не в тех, где начальница — египетская кобра), или, как часто их называют, невозможных миров (таких миров, в которых нарушаются те законы логики, которые действуют в этих же самых мирах).

Итак, метафоры являются заведомо ложными относительно одних возможных миров, включая актуальный мир говорящего, и заведомо истинными относительно других возможных миров. Заведомая истинность и заведомая ложность ничего не добавляют к нашим знаниям и не могут становиться целью осмысленного высказывания.

Но у предложения (2) может быть и неожиданное истинностное значение, ради которого оно и произносится. Такое значение возникает за счет отношения параконсистентной идентичности кобры и начальницы, которое и должно вызывать у читателя инсайт. Это истинностное значение является **нетривиальным** в том смысле, что не является произвольным, то есть тривиальным, выводом из противоречия. Парадокс материальной импликации *ex contradictione quodlibet* оказался заблокирован¹⁹.

доксальными в механике, но не в логике (в этом нам помогли разобраться Михаил Носоновский и Михаил Серебряков).

¹⁹Для читателей-нелогиков скажем несколько слов об этом парадоксе, который является единственной причиной категорического запрета противоречий в классической логике (и во многих других логиках). Используем пример уже рассмотренного противоречия между двумя пропозициями: (1) моя начальница — египетская кобра; (2) моя начальница — русская женщина. Предпо-

Если участник разговора не почувствовал метафоры, инсайта не возникло, метафора не удалась — в таком случае нетривиальное истинностное значение для этого собеседника не возникает. Если же метафора удалась и нетривиальное истинностное значение возникло, то многие из собеседников воспримут предложение (2) как нетривиально истинное. Они поймут, что у начальницы не ангельский характер, и даже поймут примерно, какие у нее недостатки.

Выражение (2) будет ложно для тех, кто понял смысл высказывания, но при этом знает эту начальницу и считает ее ангелом. При этом они тоже могут испытать инсайт, который будет переживаться как оскорбление. В этом случае метафора также достигла цели, коммуникация состоялась. А сама возможность несогласия относительно истинности высказывания доказывает нетривиальность его истинностного значения.

Мы будем называть «нетривиально ложными» те значения, которые противоположны нетривиально истинным значениям истинности пропозиций, содержащих противоречия. Речь идет о таких значениях истинности «ложно», которые отличаются от заведомой ложности пропозиции в тех возможных мирах, где она заранее предполагается ложной. Так, высказывание (2) имеет заведомую ложность в актуальном мире говорящего, но нетривиальную ложность в актуальном мире того, кто понял метафору, но не согласился со смыслом метафорического высказывания. Заведомую ложность высказывание (2) имеет также в актуальных мирах всех тех, кто понял смысл метафоры, и это независимо от того, согласны ли они с таким мнением о начальнице. Только в актуальных мирах тех, кто не понял

ложим, что эти две пропозиции противоречат друг другу (т. е. египетская кобра — это не русская женщина), но истинные обе сразу, и при этом мы будем рассуждать в логиках, где нет защиты от парадоксов материальной импликации. Тогда возможно построение сложной пропозиции (3): моя начальница — женщина, или Николай Гумилев — плохой поэт. Согласно истинности (2), пропозиция (3) будет истинна, даже если на самом деле Николай Гумилев — хороший поэт. Но, согласно истинности (1), истинно то, что моя начальница — египетская кобра, а не русская женщина. Поскольку пропозиция (3) является истинной, то теперь это возможно только за счет истинности второй ее составляющей: Гумилев должен оказаться плохим поэтом. Получаем, что мы доказали, что Гумилев плохой поэт, хотя при этом мы не заглядывали в стихи Гумилева. Если бы Гумилев вообще не был поэтом, это бы никак не повлияло на наши рассуждения. Таким способом можно доказать вообще совершенно любую пропозицию, и поэтому такое явление называется «взрывом». Тут классическая логика и ей подобные (прежде всего, интуиционистская) очевидным образом уклоняются от так называемого здравого смысла, но вряд ли логика естественного языка должна уклоняться вместе с ними. Чтобы блокировать парадокс материальной импликации, нужно тем или иным способом ограничить область логических выводов. Технически для этого нужно ввести ограничение либо для конструирования посылок дизъюнктивного силлогизма, либо для самой легитимности этого вида силлогизма (*modus tollendo ponens*: $((P \vee Q) \wedge \neg P) \rightarrow Q$). Это было сделано в 1950-е годы в релевантных логиках. Но с переходом к релевантной логике снимается запрет на нетривиальные выводы из пропозиций, содержащих противоречия (он может теперь существовать только в качестве произвольной аксиомы). В таком случае становятся возможны неконсистентные логики, в которых наличие противоречия перестает быть маркером ложности пропозиции и становится одним из ее рядовых свойств.

метафоры и принял ее за прямое значение, (2) оказывается ложным, но не заведомо ложным (или даже истинным — если они поверили в буквальное превращение начальницы в змею).

Буквальное понимание — это понимание одномировое, то есть ограниченное только одним выбранным возможным миром и не включающее межмировой коммуникации. Нетривиальное значение истинности возникает там, где обнаруживается совпадение (неконсистентная связь) между двумя изначально разными мирами. Выбирая многомировой подход, мы следуем за Хинтиккой и Санду, но скажем от себя несколько слов о том, как позволяет понять устанавливаемую в непрямом значении межмировую связь обращение к неконсистентным логикам.

Непрямое значение устанавливает связь между актуальным миром говорящего, в котором его высказывание заведомо ложно, и одним из возможных миров, где оно истинно, причем истинно также заведомо. Сочетание двух возможных миров, в одном из которых содержащее не прямое значение предложение заведомо ложно, а в другом — заведомо истинно, является тем условием, которое делает не прямое значение возможным, а нас заставляет рассматривать его в многомировой семантике.

В каких-то возможных мирах бывают истинными абсолютно все высказывания, но обычно нам до этих миров нет дела. Они никак не касаются нашей реальности. Предпосылками для возникновения связи актуального мира, говорящего с каким-то из возможных миров могут становиться какие-то признаки сходства или смежности между определенными объектами, но подобных отношений сходства или смежности существует бесконечное количество, так что выбор каких-то конкретных объектов воображаемых миров для сопряжения с объектами актуального мира должен быть еще чем-то мотивирован. Сторонники Аристотеля (а также Хинтикки и Санду) скажут, что тогда, при наличии такой мотивированности, и возникает метафора. Но мы на это ответим, что так возникает не метафора, а сравнение. Для метафоры (и вообще для непрямого значения) нужно еще и нечто иное. Это нечто иное — тот самый инсайт, о котором говорил Дэвидсон. Сравнение — это то, что остается от метафоры после ее непротиворечивой интерпретации, «пересказа поэзии прозой». Это ее обнажившийся скелет — голая смысловая линия.

Сравнения, как и метафоры, никто не запрещает рассматривать в многомировой семантике, но смысла в этом обычно нет. Сравнения не предполагают противоречий и никаких конфликтов заведомой ложности с заведомой истинностью, поэтому легко помещаются в рамках одного возможного мира.

Чтобы разобраться, почему поэтический троп (и не прямое значение вообще) «работает» иначе, чем сравнение, нужно разобраться с тем, что нам открывает инсайт. Очевидно, что он нам открывает нечто совершенно иное, нежели какой-то очередной воображаемый мир, один из бесконечного числа других, который никак не соприкасается с нашей реальностью. Непрямые значения открывают нам

то, что нам важно именно в нашей жизни и в нашей реальности. Но ведь и не менее очевидно, что не прямые значения потому и называются непрямыми, что, будь они поняты «прямо», они представляли бы собой заведомо ложные утверждения о нашем актуальном мире. Поэтому инсайт является соединением несоединимого — двух несовместимых миров, — то есть переживанием противоречия. Поэтому пропозиция, содержащая не прямое значение, является межмировой.

Межмировая пропозиция бывает нам важна только тогда, когда она открывает нам что-то о том мире, который для нас актуален. Будучи межмировой, она переживается как разрыв в ткани актуального мира, как внезапное открытие новых измерений и даже новых бездн. Это тот самый смысл, который ускользнет от последующей непротиворечивой интерпретации, поскольку сам этот смысл является переживанием — то есть пониманием — противоречия.

Поскольку, как мы помним, одна из неконсистентных логик, паракомплектная, была уже использована для интерпретации квантовой механики, то будет уместно следующее сравнение. Неконсистентная логика описывает когерентное состояние квантовой системы, до коллапса волновой функции, который происходит при измерении. Результат измерения описывается консистентно, но, в силу соотношения неопределенностей Гейзенберга, он уже характеризует не систему как таковую, а результат ее взаимодействия с наблюдателем. Состояние инсайта при восприятии непрямого значения можно сравнить именно с когерентным состоянием квантовой системы, а непротиворечивую интерпретацию инсайта — с коллапсом волновой функции. Это сравнение особенно точно подходит к метонимии, построенной на той же самой паракомплектной логике (см. ниже, раздел 7), но может быть распространено и на другие виды не прямых значений.

4. Философские основания предлагаемой теории

Предлагаемая теория не прямых значений, как нетрудно заметить, не разделяет положения Фреге о том, что денотатом предложения (то есть денотатом выраженной этим предложением пропозиции²⁰) является его значение истинности. Логика линий значения, у Хинтикки и Санду формально не эксплицированная, близко совпала с «метафорической логикой» В. Л. Васюкова, основанной на ситуационной семантике Р. Сушко и сформулированной последним «аксиоме нефреговости», где денотатом предложения полагается описанная в нем ситуация²¹.

Тем не менее, в нашей теории значения истинности играют также весьма важ-

²⁰Здесь и ниже мы будем употреблять термин «пропозиция» в том смысле, в котором ввел его в употребление Алонзо Черч, — как перевод термина Фреге *Gedanke* («мысль», выраженная в данном предложении; впрочем, Фреге употреблял этот термин и иначе, как эквивалент *Sinn*), см. (Church 1996 [1944]: 26).

²¹(Lourie, Mitrenina 2015), отчасти и (Lourie, Mitrenina 2019). См. также следующий раздел.

ную роль²². В этом еще одно отличие нашей теории от теории Хинтикки и Санду, которые начали с того, что (справедливо, как мы считаем) приписали содержащим метафоры пропозициям способность принимать истинностные значения в том же смысле, что и неметафорическим, но затем тут же потеряли эти значения из виду. Они даже написали в примечании, что при практическом использовании метафорических выражений «вопрос об истинности и ложности обычно не возникает», и это якобы «следует из их природы» (Hintikka, Sandu 1998 [1994]: 171). Такое невнимание к истинностным значениям — обратная сторона того, что они полагали, будто их собственная теория является расширением теории Монтегю, а в теорию Монтегю было бы очень непросто затолкать метафорические значения истинности.

Отступая от одного частного положения теории Фреге (представления о денотате предложения как значении истинности), мы, однако, возвращаемся к его более фундаментальному представлению о двухкомпонентности значения предложения (пропозиции). В «неофрегианском» подходе, подготовленном Расселом и Куайном и оформившемся в работах Монтегю и Дэвида Льюиса, значение предложения сводится к денотату, и спор идет лишь о том, что именно нужно считать этим денотатом — значение истинности или факты (ситуацию).

В не очень давней небольшой, но важной статье И. Б. Микиртумов показал, что за таким подходом стоят, в частности, две отнюдь не очевидных презумпции: вера в возможность объяснить синтаксис естественного языка независимо от семантики (и поэтому независимо от тех фактов, которые описываются в предложениях естественного языка; отсюда и переход к однокомпонентному рассмотрению значения предложений), а также философская онтология номинализма, которая ставит априорные ограничения для последующего логического анализа²³ (не оставляя места для такой интенциональности, которую было бы нельзя редуцировать к экстенциональности). В собственном подходе Фреге, как напоминает в этой статье Микиртумов, не было ни фактической редукции значения предложения к одному из его компонентов, ни предпосылок для веры в возможность редукции логики языка до синтаксиса без семантики. Некоторые формулировки Микиртумова хочется процитировать:

Итак, недоразумения вокруг вопросов об истинностных значениях и денотации предложений возникают вследствие попыток работать с языком логической системы, как если бы он что-то значил и без семантики. {...} Денотация предложений не может быть открыта как данность, она может быть только определена. (Микиртумов 2011: 128)

Вдохновляясь именно Фреге, Микиртумов в этой статье показывает отнюдь не абсолютную невозможность, но, тем не менее, сильную ограниченность тако-

²²См. особо (Lourie, Mitrenina 2019).

²³См. (Микиртумов 2011: 139–140).

го подхода к значению предложения, при котором его денотат определяется как значение истинности.

В нашей теории денотатом предложения оказывается описанная в нем конкретная ситуация²⁴, но, коль скоро значения истинности при нашем понимании значения предложения тоже очень важны, необходимо найти им место. Это будет удобнее сделать, если начать с того перекрестка, на котором начинались рассуждения самого Фреге о денотате предложения.

К выводу о значении истинности как денотате предложения Фреге приходит путем рассуждения, которое начинается с того, что «значением» не может быть «смысл». Эта часть его рассуждения нас и интересует:

Поставим теперь вопрос о смысле и значении целого утвердительно-повествовательного предложения (Behauptungssatz). Такое предложение содержит некоторую мысль (Gedanke). Как следует рассматривать эту мысль — как смысл (Sinn) предложения или как его значение (Bedeutung)? Предположим, предложение имеет значение! Тогда, если мы заменим в нем какое-либо слово другим словом, имеющим то же значение, но другой смысл, это не должно иметь никакого влияния на значение предложения. Однако мы видим, что мысль в этом случае меняется; так, например, мысль, содержащаяся в предложении «Утренняя звезда есть тело, освещаемое Солнцем», отлична от мысли, имеющейся в предложении «Вечерняя звезда есть тело, освещаемое Солнцем». Тот, кто не знает, что Вечерняя звезда есть Утренняя звезда, мог бы считать одну мысль истинной, а другую ложной. Стало быть, мысль не может быть значением предложения, напротив, мы должны считать ее смыслом предложения. (Фреге 2000: 234)²⁵

В многомировой семантике, заимствованной нами у Хинтикки и Санду, такое рассуждение не работает: метонимические выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» имеют свои собственные денотаты в мирах поэтических значений, причем, отличающиеся от денотата названия планеты Венера в актуальном мире Фреге. Описанная Фреге процедура в многомировой семантике уже не является процедурой замены тождественных по значению (денотату) элементов. Рассуждение Фреге корректно применительно к тому, о чем рассуждал Фреге, для которого все имена имели денотаты в одном и том же реальном мире; он знал заранее, что «звезда утренняя» и «звезда вечерняя» обозначают тот же самый физический объект. В многомировой семантике такое рассуждение перестает быть корректным. Есть собственный денотат у «звезды утренней», и есть собственный денотат

²⁴Проблема референции к индивидуальным объектам, фактам и ситуациям является особой и крайне сложной проблемой философской онтологии. Нам придется ее немного коснуться ниже (раздел 8).

²⁵Рус. пер. с небольшими изм.: (Фреге 2000: 234); оригинал: (Frege 2008 [1962]: 29).

у «звезды вечерней»; каждый из них находится в одном из возможных миров. В актуальном мире Фреге есть объект планета Венера, который является денотатом имени собственного (названия планеты). Совпадение этого последнего денотата с объектами из возможных миров двух метонимических выражений как раз и дает тот инсайт, которым определяется красота выражений «звезда утренняя» и «звезда вечерняя» применительно к планете Венера.

Приведем другой пример уже не для метонимии, а для метафоры²⁶. Можно ли подставить в предложение

(3) Моя начальница ушла на совещание.

предложение (2), что дает новое предложение:

(4) Египетская кобра ушла на совещание.

Понятно, что если метафора, содержащаяся в предложении (2), осталась не понята, то взаимозаменяемости не будет, но нас интересуют только те случаи, когда метафора понята, потому что только тогда и можно ставить вопрос о взаимозаменяемости прямых и непрямых значений. Разумеется, для того, кто понял метафору и с ней согласен — то есть для кого (2) имеет нетривиальное значение истинности «истинно» — такая подстановка возможна (подобные подстановки — это и вообще один из самых распространенных способов нахамить). Тут мы имеем полную аналогию с примером Фреге «Утренняя звезда есть тело, освещаемое Солнцем». Но с точки зрения того, кто посчитал такой отзыв об отсутствующей начальнице несправедливым, то есть нетривиально ложным, такая подстановка не только невозможна, но и наказуема. Тут мы имеем аналогию с примером Фреге «Вечерняя звезда есть тело, освещаемое Солнцем». Заметим, что при этом совершенно неважна «объективная» оценка начальницы; важны лишь ее оценки в актуальных мирах участников беседы, вполне субъективные.

Метонимии и метафоры одинаково приводят к тому, что значения истинности предложений при подстановке их вместо прямых значений не сохраняются. Поэтому нельзя говорить о значении истинности как денотате предложений, содержащих непрямы значения.

В многомировой версии ситуационной семантики, которую мы используем, значение предложения, как и у Фреге, не меняется при замене тождественных по значению элементов, но это значение является ситуацией, а тождество элементов определяется только тождеством признаков, на которых крепятся линии значения Хинтикки и Санду, в пределах того же самого возможного мира.

В хорошем поэтическом тексте произвести такую замену очень трудно, и именно поэтому все слова в таком тексте кажутся неслучайными и стоящими на своих местах, а текст легко запоминается наизусть; поэтический метр и рифмы сами по

²⁶Идеей этого примера мы обязаны И. Б. Микиртумову.

себе еще не создают такого эффекта. Поэты и переводчики стихов хорошо знают термин «подрифмовка», когда какие-то случайные слова заполняют ритмические пустоты и рифмы; эти места гораздо хуже запоминаются наизусть и легко искажаются при устной передаче. У гениальных поэтов почти нет подрифмовок. Зато при пересказе прозаических шуток замены тождественных (в отношении смысла шутки) слов и представляют собой норму — чем доказывается, что теоретически возможная замена тождественных компонентов является практически осуществимой и для выражений с непрямыми значениями.

Но если мы не можем признать значение истинности денотатом предложения или хотя бы включить его в понятие денотата, то естественно возникает вопрос: не может ли оно быть смыслом предложения или хотя бы составляющей этого смысла? Такое решение представляется интуитивно наиболее привлекательным.

Предложение не только описывает ситуацию, но и имплицитно ставит вопрос об условиях своей истинности или ложности. *Смысл* описывать определенную ситуацию, очевидно, связан со стремлением сообщить о ее истинности или ложности. Именно оценка истинности описанной в предложении ситуации позволяет нам понять, какой *смысл* имело об этой ситуации рассказывать. Рассказ о ситуации, не привязанной к реальности (той или иной реальности, пусть даже воображаемой), — *бес-смысленный*. Он вызывает желание задать вопрос: «Зачем вы нам об этом рассказываете?» Значение истинности как раз и будет частью ответа на такой вопрос. Поэтому **мы относим значение истинности предложения к области его смысла** (не подразумевая при этом, что область смысла предложения должна этим исчерпываться).

Может быть, тут следует заметить, что коммуникация на языке не предполагает никакой де-факто-истинности. Речь только о взаимодействии воображаемых миров и о тех смыслах, которые возникают в пределах этих миров.

Хинтиikka и Санду не заметили, что, думая расширить теорию Монтегю, они фактически отвергли самое ее основание. Тем не менее, все их соображения о том, что прямые и непрямыe значения должны описываться в рамках общей семантической теории, остаются в силе. Если такой теорией не может быть формальная семантика Монтегю, а должна стать какая-то версия ситуационной семантики, то возникает необходимость представить теорию поэтических тропов в рамках какой-то новой общей теории значений в естественном языке. Мы считаем, что ничто не мешает начать построение такой теории с семантики поэтических тропов и других непрямыx значений, постепенно переходя от в высокой степени интенционального языка поэзии ко все более приземленному и, значит, все более экстенциональному языку прозы. В этом смысле эту нашу статью, как и две предыдущие, следует рассматривать как *prolegomena* к подобной теории. Пока такой теории нет, наши соображения, относящиеся только к поэтическим тропам, будут страдать незаконченностью. Тем не менее, с чего-то начинать нужно.

5. Как работает метафора: логика

Представление о том, что противоречия в пропозициях, включающих не прямые значения, являются ровно тем, чем они кажутся, — то есть настоящими, а не только кажущимися противоречиями, — выглядит наиболее естественным с точки зрения обычного человека. Пока ученые люди не успели объяснить человеку, что логика запрещает противоречия, а без логики любое высказывание бессмысленно, он бывает вполне готов называть противоречие противоречием и не пытаться его обходить ни через прагматику, ни через семантику.

Специалисты по логике языка оказались вдали от исследований, до поры до времени редких, по логикам, допускающим противоречия. Дэвид Льюис в 1982 году по этому поводу даже произнес своеобразный манифест, где честно признался в том, что его позиция вполне догматическая и недоказуемая, но это не заставит его от нее отказаться. Нам еще понадобится эта цитата, поэтому приведем ее *in extenso*²⁷:

Ничто не является и ничто не может являться сразу истинным и ложным в буквальном смысле слова. Это мы знаем точно, *a priori*, и без всякого исключения для особенно затруднительных случаев. (...) Возможно, это покажется догматическим. Оно таково и есть: я утверждаю тот самый тезис, который Рутли и Прист [*радикальные защитники неконсистентных логик в 1970-е годы*] поставили под вопрос, и — вопреки правилам спора — я отказываюсь защищать его. Более того, я уступаю в том, что признаю невозможность его защиты против их вызова. Они столь многое поставили под вопрос, что у меня нет с ними общей почвы для возможности спорить. Но тем хуже для требования, будто философы обязаны быть всегда готовыми защищать свои позиции согласно правилам спора.

Тем не менее, после взрыва исследований по неконсистентным логикам в 1970-е годы многое изменилось, хотя ни один из специалистов по таким логикам до сих пор не обращался к проблемам логики языка систематически.

Наше представления о логике поэтического языка, к изложению которого мы сейчас переходим, отличается от предложенного Пенъей (Peña 1987), но, вслед за ним, мы считаем, что речь идет о логике неконсистентной и, во многих случаях (хотя не во всех), именно параконсистентной.

²⁷“Nothing is, and nothing could be, literally both true and false. This we know for certain, *a priori*, and without any exception for especially perplexing subject matters. (...) This may seem dogmatic. And it is: I am affirming the very thesis that Routley and Priest have called into question and—contrary to the rules of debate—I decline to defend it. Further, I concede that it is indefensible against their challenge. They have called so much into question that I have no foothold on undisputed ground. So much the worse for the demand that philosophers always must be ready to defend their theses under the rules of debate” (Lewis 1998 [1982]: 101).

Логика не прямых значений является логикой идентичности — то есть различных способов задать идентичность. Из сказанного выше легко догадаться, что неконсистентные логики способны внести в понимание идентичности очень много особенностей. К рассмотрению некоторых из них мы сейчас и переходим. Для удобства изложения мы примем в качестве отправного пункта точку зрения Аристотеля, которая диаметрально противоположна нашей собственной.

Закон тождества Аристотеля (*Метафизика IV*, 4: 1006 а 21–31) сейчас чаще называют принципом Лейбница, поскольку Лейбниц сформулировал его более компактно: **идентичными являются такие объекты, которые обладают полностью одинаковыми свойствами**. Формально это определение можно записать как

$$(5) \quad x = y := \forall F(F(x) \leftrightarrow F(y)),$$

где x и y являются индивидуальными термами, F является переменной с областью изменения в виде множества²⁸ атрибутов этих индивидуальных объектов.

Идентичность тут определяется через дескрипцию. Такое понятие идентичности можно модифицировать разными способами, консистентными и неконсистентными, что и происходило в истории приложения логики для решения разнообразных проблем философской онтологии.

Консистентные способы изменения этого понятия предполагают его ослабление. Общий принцип тут состоит в том, что вводится какое-то понятие неполной (неабсолютной) идентичности и определяются те свойства, совпадений которых достаточно, чтобы ее констатировать. Неконсистентные способы (которым мы посвятим ниже особый раздел, 8) предполагают определение идентичности вопреки различию свойств.

Не повторяя написанное в другом месте²⁹, мы здесь не будем говорить о том, каким образом линии значения Хинтикки и Санду подразумевают консистентное ослабление принципа Лейбница — до сформулированного Васюковым принципа

²⁸Понятие множества в данном случае мы употребляем только в интуитивном смысле, то есть не имея в виду какой-либо конкретной теории множеств. Найти теорию множеств, которая бы соответствовала актуальной семантике естественного языка, — это далеко не очевидная задача, отсутствие решения для которой не позволяет нам в настоящей статье рассматривать семантику не прямых значений формально, а не только в общих чертах. В частной переписке Ноам Хомский написал одному из авторов этой статьи, что он рассматривает «синтаксические объекты» как множества, но не так, как это делают математики, а так, как это делают физики: то есть не пытаюсь сформулировать адекватную теорию множеств. Но в физике есть аналогичная проблема, которую сформулировал в 1974 году Юрий Иванович Манин, и ее теперь часто называют «проблемой Манина»: несоответствие разработанных математиками теорий множеств реалиям физики. Как раз для решения «проблемы Манина» была сформулирована упоминавшаяся выше (сноска 12) интерпретация квантовой механики, основанная на паракомплектной логике; она использует такие теории множеств, в которых отношение идентичности неререфлексивно.

²⁹Особенно см. (Lourie, Mitrenina 2019).

подобия неразличимых с предвзятой точки зрения. Приведем только формулу последнего принципа:

$$(6) \quad (a \leq b) \leftrightarrow \exists \phi(\phi(a) \Rightarrow \phi(b))$$

Словами: объекты a и b неразличимы с некоторой предвзятой точки зрения, когда хотя бы одна ситуация, в которой встречается a , по смыслу вовлечена в ситуации, в которых встречается b ; связка \Rightarrow означает «референциально влечет за собой с некоторой предвзятой точки зрения» (Васюков 2004–2005: 153).

В общем случае a и b — объекты любой структуры, включая любые компоненты пропозиций, целые пропозиции и серии связанных пропозиций; их внутренняя структура нас не интересует, поскольку она не сказывается на способах образования новой пропозиции, включающей непрямым значения³⁰.

Линии значения Хинтикки и Санду предполагают симметричное отношение между a и b . Введем для такого отношения особое обозначение \bowtie :

$$(7) \quad (a \bowtie b) \leftrightarrow \exists \phi(\phi(a) \Leftrightarrow \phi(b))$$

Такое отношение не содержит имплицитного противоречия и поэтому консистентно. Оно определяет, если можно так выразиться, материальную основу поэтического тропа, то есть основание сравнения для метафоры и основание смежности для метонимии.

Поэтический троп возникает тогда, когда линия значения становится основанием отождествления при сохранении нетождественности. Это соответствует тройной неконсистентной конъюнкции, которая необходима для возникновения поэтического тропа:

$$(8) \quad (a \neq b) \wedge (a \equiv b) \wedge (a \bowtie b)$$

Словами: объекты a и b образуют структуру пропозиции с непрямым значением в том случае, если они одновременно (то есть неконсистентно) различны, но при этом и идентичны в соответствии с имеющейся между ними линией значения. Третий член этой конъюнкции указывает основание, на котором построено неконсистентное отношение — линию значения в смысле Хинтикки и Санду, то есть те признаки, на которые опирается отождествление, подразумеваемое в непрямом значении.

В трехчастной конъюнкции (8) описывается логическая структура денотата

³⁰В данном случае мы не можем на этом останавливаться подробнее, но объекты a и b можно рассматривать как некоторое обобщение понятия «синтаксический объект» в смысле Хомского, и рассматриваемые операции образования предложений с непрямыми значениями имеют непосредственное отношение к операции MERGE. Синтаксические объекты ведут себя как неразложимые единицы. См. особенно (Chomsky 2013, Chomsky 2015); в этих публикациях концепция Хомского имеет существенные отличия от ее более ранних вариантов.

высказывания, содержащего не прямое значение. Для полноты описания конструкции нужно учесть и значение истинности. Значение истинности тут может быть только «истинно» или «ложно» (в нетривиальном смысле), и поэтому оно определяется булевой пропозициональной функцией \mathbf{B} , принимающей одно из двух соответствующих значений («истинно», 1, или «ложно», 0)³¹.

Обозначим как $a \diamond b$ структуру непрямого значения, а не обязательно именно поэтического тропа. Можно сказать, что наличие в пропозиции не прямых значений, то есть как минимум двух объектов, a и b , принадлежащих к разным возможным мирам, подразумевает следующее определение, первая часть которого формулируется на объектном языке, а вторая на метаязыке³²:

$$(9) \quad a \diamond b \leftrightarrow \begin{cases} (a \neq b) \wedge (a \equiv b) \wedge (a \bowtie b) \\ \mathbf{B}(a, b), \text{ где } \mathbf{B}(a, b) \mapsto (0, 1), \end{cases}$$

то есть \mathbf{B} — булева функция, назначающая значения истинности для пропозиции, содержащей не прямое значение $a \diamond b$. Это нуждается в пояснении, которое будет дано в рамках классификации не прямых значений (см. ниже раздел 9).

Сама пропозициональная функция входит в определение непрямого значения, так как при невозможности задания такой функции самого непрямого значения не возникнет; соответствующая пропозиция будет не только неконсистентной, но и бессмысленной. Ситуации непонимания шуток или поэтических метафор часто возникают (и вызывают особенное раздражение у непонимающих) тогда, когда пропозиция понята в той части, которая сформулирована на объектном языке (и понятна ее заведомая противоречивость), но при этом осталась неизвестной подразумевавшаяся пропозициональная функция, то есть способ оценки нетривиальных истинностных значений.

Не прямое значение образуется (как минимум) парой объектов, принадлежащих к разным возможным мирам, между которыми устанавливается неконсистентное тождество в соответствии с линиями значения. При этом содержащая не прямое значение пропозиция обязательно бывает истинной или ложной, и определение значения истинности соответствующей пропозиции является итогом понимания его смысла.

Аргументом булевой функции являются те компоненты пропозиции, которые производят описанный Дэвидсоном инсайт, а значение булевой функции является оценкой того, что открылось в инсайте, — истинно это или ложно. В восприятии того, кто не понял не прямое значение, булева функция не получила аргумента, а потому и не приняла никакого значения вообще. Зато для всех тех, кто понял не прямое значение, вслед за этим наступает оценка истинности или ложности со-

³¹Ниже (раздел 9) мы рассмотрим такие случаи, где двузначности не будет хватать для выражения всех возможных значений истинности пропозиций с не прямыми значениями. Поэтому в общем случае пропозициональная функция, которую мы сейчас ввели, не является булевой.

³²Благодарим Е. В. Борисова, обратившего наше внимание на это обстоятельство.

держатель это значение пропозиции.

Поклонник начальницы, которую обозвали египетской коброй, настаивает на том, что эта наша булева функция тут принимает значение «ложно», но он все равно согласен с тем, что значение у нее есть, и выражает свое согласие бурным возмущением. Юмор вообще всегда предполагает, что значение нашей булевой функции будет «ложно». Мы поговорим об этом подробнее в разделе 9.

6. Непрямые значения и семантика прагматики

Ниже мы будем отличать не прямое значение от подразумеваемого, но прямого. Чтобы провести такое различие, нужно сказать несколько слов о прагматике.

Естественному языку всегда свойственна неопределенность, одним из источников которой является недоговоренность: довольно много не проговаривается, а подразумевается. Даже если не вспоминать сейчас о каузальной теории референции Хилари Патнема, согласно которой даже самые эксплицитные и экстенциональные высказывания в естественном языке возможны лишь на основе почти бесконечного ряда презумпций, достаточно вспомнить о тех подразумеваемых значениях, которые обычно рассматриваются в рамках прагматики естественного языка: пресуппозициях, конвенциональных импликатурах и речевых импликатурах³³.

Пресуппозиция (нас интересует только семантическая пресуппозиция) — это некоторое фоновое знание, которое необходимо для правильного понимания высказывания, но в самом высказывании не содержится; оно, однако, актуализируется посредством содержащегося в высказывании лексического или семантического напоминания о нем (триггера пресуппозиций). Конвенциональная импликатура — это способ сообщения некоторой информации средствами лексики и синтаксиса, но такими из этих средств, которые не все носители языка понимают одинаково хорошо, и в которых семантическая неоднозначность настолько велика, что оставляет большое поле для умения угадывать или хитрить. Наконец, речевая (конверсиональная) импликатура формируется помимо средств лексики и синтаксиса исключительно *ad hoc*.

Взятая в неусеченном виде, семантика естественного языка должна охватывать все области прагматики — не только пресуппозиции и конвенциональные импликации, которые и так обычно считаются пограничной или, точнее, общей областью семантики и прагматики, но и речевые импликации, которые, на первый взгляд, не используют никаких присущих языку семантических средств. Тем не менее, если естественный язык устроен так, что какие-то (и даже не какие-то, а весьма важные) смыслы он передает без привлечения лексических и синтаксических средств, то, с точки зрения логики, нет никаких оснований исключать и

³³Соответствующие понятия были введены Грайсом в 1960-е годы. В качестве современного введения см. (Долгоруков, Зевахина, Попова 2021).

такие способы передачи значений из семантики естественного языка. Если речь идет о каких-то способах передачи смысла, то тут должно быть место для логики, а если в эти процессы вовлечен естественный язык, то такая логика будет в том или ином отношении принадлежать логике естественного языка. Способность создавать речевые импликатуры — это одно из фундаментальных свойств естественного языка, хотя оно реализуется лишь при взаимодействии языка с внеязыковым содержанием когнитивной сферы.

ИмPLICITное содержание высказываний очень часто бывает простым дополнением того, что было заявлено имPLICITно, и такие значения нас сейчас не касаются. Мы считаем их хотя и имPLICITными, но прямыми. Например, в диалоге

- (10) А. Наденьте маску!
Б. Я уже переболел.

используется речевая импликатура (никак не обозначенное в лексике или синтаксисе знание о том, что переболевшие обладают иммунитетом и не нуждаются в маске), заключающая в себе имPLICITное, но вполне прямое значение.

Но, разумеется, возможность формулировать имPLICITно используется также и в тех случаях, когда автор высказывания хочет указать на не прямое значение. Выше мы приводили критику таких стратегий интерпретации не прямых значений, которые полностью или частично выводили их из области семантики в область прагматики; далее мы настаивали на том, что из области семантики не прямые значения не могут выходить никогда. Они и не выходят, но, продолжая принадлежать области семантики, могут использовать для своего выражения средства прагматики.

В примере Грайса на иронию « X — хороший товарищ» (говорится по поводу нехорошего поступка X), речевая импликатура указывает на действительный смысл высказывания, который в точности противоположен его прямому смыслу. Это риторический прием, обычно называемый антифразом (или антифразисом), — употребление слова или выражения в значении, точно противоположном обычному. Переводя в наши формулы, здесь тот случай, когда высказывание экспPLICITно утверждается как истинное, но при этом имPLICITно отрицается как ложное.

В нашей нотации структуру антифразы можно записать через подстановку $\neg a$ вместо b :

$$(11) \quad a \diamond \neg a \leftrightarrow \begin{cases} (a \neq \neg a) \wedge (a \equiv \neg a) \wedge (a \bowtie \neg a) \\ \mathbf{B}(a, \neg a) \mapsto (0, 1) \end{cases}$$

Тут обозначение объекта a употреблено сразу в прямом и противоположном прямому значениях. Линия значения $a \bowtie \neg a$ («хороший товарищ» \bowtie «нехороший товарищ») проводится на основании сходства всех признаков «по модулю». Анти-

фраз не соответствует ни метафоре, ни метонимии, то есть не является обычным поэтическим тропом, хотя является тропом в более широком смысле риторического приема. Тождество $a \equiv \neg a$ не только параконсистентно, но и диалетично (т. е. предполагает контрадикторное противоречие — конъюнкцию субконтрарного и контрарного противоречий, а не одно только субконтрарное, на котором строится параконсистентная логика).

Подчеркнем, что, хотя объекты a и $\neg a$ принадлежат разным возможным мирам, они вступают в контрадикторное противоречие внутри межмировой пропозиции. Если бы эти два объекта так и оставались разведенными по разным мирам, то один из них не мог бы войти в пропозицию, которая прямо касается актуальных миров говорящего и слушающих. Эта пропозиция сообщает о X нечто такое, что имеет актуальную, а не воображаемую важность. Как всегда, так и в данном случае не прямое значение образует некий разрыв в ткани актуального мира, показывая именно внутри этого мира какую-то дополнительную реальность, — причем в данном случае полностью противоположную той, что казалась правдоподобной.

На уровне инсайта антифраз дает пережить состояние тождества объекта и его противоположности. Затем каждый, кто пережил инсайт, разрешает его для себя в ту или другую сторону, либо соглашаясь с пропозицией, выраженной антифразом (что объект на самом деле противоположен тому, чем он кажется), либо не соглашаясь (и тогда считая антифраз неуместным, обидным и т. п.).

Этот пример нам еще пригодится как предельный случай неконсистентности в предложении с непрямым значением (см. раздел 9). Структуру, описанную выражением (11), то есть основанную на контрадикторном противоречии, мы встретим не только в антифразе, но и в других конструкциях, — в том числе и в таких, где противоречие, переживаемое в инсайте, не будет получать непротиворечивого разрешения.

По отношению к семантике пропозиций, содержащих не прямые значения, прагматика естественного языка — просто одна из совокупностей возможных способов выражения. Логическим структурам, лежащим в основе не прямых значений, довольно-таки безразлично, какими именно средствами естественного языка они будут выражены. Они чувствуют себя одинаково, когда воплощаются и в плотном материале эксплицитного высказывания, и в рыхлой плоти умолчаний прагматики.

7. Понятие идентичности и полюса метафоры и метонимии

Теперь мы можем сказать более конкретно о том, как мы понимаем логику метонимии. Эта логика тоже неконсистентна, но не параконсистентна, а паракомплектна. В метонимии нарушается объем понятия, за счет чего возникает нерелексивность, то есть нетождественность объекта самому себе, однако, без идентификации с другим объектом. Для тех видов метонимии, где количественные отношения

эксплицитны (то есть в синекдохе: *pars pro toto* или *totum pro parte*) это совершенно очевидно, но так же обстоит дело и в прочих видах метонимии. Например, метонимическое именование планеты Венера «звезда утренняя» или «звезда вечерняя» — это как раз такое изменение объема понятия, при котором Венера, не будучи отождествлена с каким-либо другим объектом, теряет собственные семантические границы. Из примера Фреге о «теле, освещенном солнцем» мы можем убедиться, что внутри этой метонимии Венера может показаться не похожей на себя до неузнаваемости.

Для метафоры, как мы замечали выше, в нашем формальном представлении не прямых значений консистентным членом тройной конъюнкции является $a \neq b$, а неконсистентным — тождество $a \equiv b$. Для метонимии дело будет обстоять иначе, так как для ее описания нужно вместо $\neg b$ подставлять a :

$$(12) \quad a \diamond a \leftrightarrow \begin{cases} (a \neq a) \wedge (a \equiv a) \wedge (a \bowtie a) \\ \mathbf{B}(a, a) \mapsto (0, 1) \end{cases}$$

Тут, в отличие от метафоры, консистентно тождество $a \equiv b$, принимающее вид $a \equiv a$, а неконсистентно неравенство $a \neq b$, принимающее вид $a \neq a$ ³⁴.

Отношение $a \bowtie a$, то есть линии значения Хинтикки и Санду, в случае метонимии распространяется сразу на все свойства объекта a . В классической логике это бы означало превращение линий значения в мировые линии Каплана (консистентное тождество объектов, принадлежащих разным возможным мирам).

Для метонимии вместо принципа Лейбница действует другое определение идентичности (как будет ясно из дальнейшего, «определением» мы его называем условно):

$$(13) \quad x = y := \neg \forall F(F(x) \leftrightarrow F(y))$$

Словами: два объекта идентичны, если не все их свойства совпадают.
Аналогично для метафоры:

$$(14) \quad x = y := \exists F(F(x) \leftrightarrow F(y))$$

Словами: два объекта идентичны, если некоторые их свойства совпадают.

Отметим различие между «некоторые» и «не все». «Некоторые» предполагает возможность выбора определенных совпадающих свойств, как это происходит в метафоре, сближающей изначально разные объекты. «Не все» предполагает только возможность установить различие, как это происходит в метонимии, растождествляющей объект с самим собой и таким образом получающей два объекта из

³⁴Подчеркнем, что неконсистентная паракомплектная логика отличается от консистентных логик, нарушающих принцип исключенного третьего (например, модальных или интуитивистской). Во всех консистентных логиках при нарушении принципа исключенного третьего тем или иным образом блокируется вывод $a \neq a$.

одного.

Наш логический анализ метафоры и метонимии иллюстрирует тезис Р. О. Якобсона о том, что их следует рассматривать как противоположные полюса. Между полюсами существует некоторый континуум, предполагающий наличие пограничной области, а не четкой границы. Возможны такие поэтические тропы, где почти одинаково важно сразу и метонимическое, и метафорическое значения. Например, презрительное именование военных «сапог» построено как метонимия (*pars pro toto*), но оскорбительность смысла возникает по механизму метафоры (сапог отождествляется с человеком или, по крайней мере, с тем органом, который должен быть в человеке главным). Это особенно заметно при сравнении с другим метонимическим именованием военных (особенно «силовики») — «погоны», в котором не подразумевается оскорбительного смысла и не чувствуется компонента метафорического значения. Метонимия отождествляет разные объекты по смежности, и эффективность такого отождествления должна подкрепляться его очевидностью, но очевидность имеет свои критерии, и они могут быть метафорическими.

Обычно в поэтической речи допустимо (и неизбежно) размазывание границы между метафорой и метонимией, но недопустимо совпадение самих полюсов, то есть «короткое замыкание» (о редких исключениях из этого правила мы скажем ниже, в разделе 8). Однако в естественном языке и такое возможно, причем даже весьма распространено, только соответствующие выражения не всегда воспринимаются как поэтические тропы в обычном смысле слова. Такие непрямые значения подчиняются диалектической логике, в которой отождествление основано на контрадикторном противоречии. Соответствующее отношение идентичности можно с таким же успехом назвать отношением неидентичности: $S = \neg S$. Выше мы упоминали о таких конструкциях на примере антифразы.

Аналогичное принципу Лейбница «определение» идентичности для этого случая будет записываться таким образом, что поставит ребром давно назревший вопрос об интуитивном смысле понятия идентичности:

$$(15) \quad x = y := \neg \exists F(F(x) \leftrightarrow F(y))$$

Словами: два объекта являются идентичными, если никакие их свойства не совпадают.

Итак, мы начали с дескриптивного определения идентичности по Аристотелю и Лейбницу и затем меняли его таким образом, что оставляли все меньше признаков, достаточных для установления идентичности. При этом мы настаивали на факте идентичности самих объектов, а не отдельных их признаков. У нас были объекты, не идентичные самим себе (в метонимии), идентичные не только себе (в метафоре), а теперь (в антифразе и логически сходных конструкциях) — идентичные отрицанию самих себя.

В наших рассуждениях признаки идентичности идентичных объектов исчеза-

ли, подобно постепенному исчезновению присутствия Чеширского Кота. Но Чеширский Кот исчез окончательно, когда перестал улыбаться. У нас же его присутствие остается даже тогда, когда ему уже улыбаться нечем: кота (одинаковых свойств) нет совсем, а его присутствие (идентичность) остается.

Стоящая за нашим рассуждением интуиция идентичности заключается в том, что идентичность не является понятием, которое можно определить, а является понятием первичным и не определяемым³⁵. Тогда все приведенные выше конкретные определения, начиная с принципа Лейбница, являются частными случаями этого общего представления об идентичности. Они годятся как определения соответствующих частных случаев, но не годятся для объяснения того, что такое идентичность вообще.

8. Контрадикторные противоречия в естественном языке

Один пример выражения с диалетическим непрямым значением мы уже рассматривали выше: это пример Грайса на иронию, « X — хороший товарищ», который в действительности имел смысл, противоположный буквальному. Для иронии подобное обращение смысла на противоположный является определяющим признаком. Что при этом происходит со значениями истинности? Очевидно, что если ирония воспринимается как обоснованная, то значение истинности у такого высказывания «истинно», а если как несправедливая, то значение будет «ложно».

Предположим, ироническое замечание « X — хороший товарищ» услышали два собеседника говорящего, которые оба поняли иронию, но первый из них согласился с иронией в адрес X , а второй занял сторону X ³⁶. Если они захотят ответить на том же языке не прямых значений (иронии), то какие у них возможности? Первый, согласный с иронией в отношении X , может ответить «да уж!» — показывая при помощи конвенциональной имплицатуры (обозначенной частицей «уж»), что его «да» относится не к прямому, а к ироническому значению. Второй, желая перенаправить иронию на автора исходной реплики, может ответить что-то вроде «да, именно» (при этом усиливая суровостью интонации конвенциональную имплицатуру, обозначенную словом «именно»), показывая тем самым, что, вопреки желанию говорящего, он считает правильным прямой смысл высказывания « X — хороший товарищ».

Если высказывание с непрямым диалетическим значением воспринимается как ложное, то это нередко вызывает комический эффект, вольный или невольный.

³⁵Такая интуиция заявляла о себе в некоторых логических построениях прошлого, в частности в тех, что использовались для нужд византийского богословия. См. (Лурье 2020). В современной философии, особенно начиная с 1990-х годов, такой подход к понятию идентичности получает развитие. См. особенно работы Эдварда Лоу (E. J. Lowe, 1950–2014), см. (Lowe 1998), особенно с. 44–45, (Lowe 2009); в качестве одной из пионерских работ примечательна статья (Merricks 1998).

³⁶Этот пример вдохновлен замечанием И. Б. Микиртумова и частично его цитирует.

Поэтому возможно и конструирование соответствующих шуток. Такого рода шуткой, но невольной, стала (примерно в 1960 году) легендарная оговорка диктора ереванского радио «При капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме все происходит наоборот». В этой легенде о внезапном рождении великого Армянского радио ситуация «наоборот» оказывается идентичной исходной. Комический эффект здесь двойной, поэтому более сложный, но он возникает за счет того, что на первом уровне восприятия непрямого значения высказывание диктора ошибочное, то есть ложное. Это уже создавало бы повод посмеяться, хотя и глуповатым смехом. Но сбой в работе почти механического устройства для трансляции пропаганды, каковым являлся советский диктор, превращает это заведомо неразумное существо в валаамову ослицу, невольно изрекающую глубокую истину. Значение истинности высказывания переключается вновь: будучи идентифицированным как ложное, оно именно поэтому оказывается истинным; тут появляется вторая степень диалетичности. С этого момента (согласно данной легенде) возникает Армянское радио, без которого невозможно себе представить культурную среду позднего СССР.

Контрадикторные противоречия могут получаться не только в результате антифраза — когда любое выражение или слово получает противоположный смысл, — но и в качестве предела метонимии и метафоры, — когда, соответственно, контрарное или субконтрарное противоречие усиливается до контрадикторного.

Примером доведения до контрадикторного предела метонимии может служить следующее стандартное объявление на железнодорожном вокзале:

- (16) Нумерация вагонов с головы хвоста
 Просим пассажиров занять свои места
 Просим провожающих покинуть вагон
 Просим не бежать и не кричать вдогон
 Просим провожающих спокойно вернуться домой

По крайней мере, так его слышала Умка (Анна Герасимова), «С головы хвоста» (2004). Провоцирующие метонимию отношения смежности между головой и хвостом актуализируются в объявлениях о нумерации вагонов, в которых они мелькают до неразличимости. Если это хвост и голова не животного, а поезда, то речь идет о противоположных, а не просто разных понятиях; при совмещении того и другого мы получаем контрадикторное противоречие.

«Голова хвоста», в отличие от антифраза, не предполагает вообще никакого непротиворечивого разрешения после переживания инсайта (в этом уподобляясь сложным поэтическим тропам, которые никогда нельзя пересказать непротиворечиво единственным образом). Если считать центральную пропозицию «Головы хвоста» истинной, то надо согласиться с глубинной абсурдностью нашего мира как его непреодолимым законом. По мысли автора, против нее бесполезно бороться.

ся обычными человеческими чувствами и стремлениями, как это подытоживается в следующей и последней строфе:

- (17) Поезд встанет в чистом поле, захочет свернуть
А куда ты свернешь, когда один путь
Коня ты потерял, от меча остался свист
Еще осталась голова, но в голове машинист
Просим провожающих спокойно вернуться домой

Об этой абсурдности можно думать и иначе, не переживая ее как трагическую, но все-таки соглашаясь с автором относительно «головы хвоста». Предложение «Нумерация вагонов с головы хвоста» может быть оспорено как ложное (в указанном нами выше нетривиальном смысле) только в том случае, если верить в некую пусть и неочевидную, но все же именно земную справедливость устройства мира. В мире, который *во зле лежит* (1 Ин. 5, 19), нумерация вагонов, как ни крути, — с головы хвоста.

Примеры доведения до контрадикторного предела метафор довольно многочисленны, о чем говорит не очень малое их число среди так называемых «мертвых метафор» (*dead metaphors* — английский термин для идиом, метафорическое значение которых стерлось, хотя остается понятным носителю языка; например, *hot dog*), понимание которых уже не предполагает инсайта, но которые потому и стали употребительными до затертости, что когда-то порождавшийся ими инсайт был особенно ярким: например, «живой труп», «сны наяву».

Контрадикторные противоречия, лежащие в основе диалектической логики, проявляются в поэтическом языке. Это и знаменитое *Odi et amo* Катулла (стихотворение LXXXV), где описывается именно непреодоленное противоречие, хотя и только в области психологии:

- (18) *Odi et amo. Quare id faciam fortasse requiris.*
Nescio, sed fieri sentio et excrucior...
‘Ненавижу и люблю. Каким образом я это делаю (т. е. как мне это удастся), ты, может быть, спросишь.
Не знаю, но я чувствую, что так происходит, и терзаюсь...’

«Ненавижу» и «люблю» — это именно контрадикторное противоречие, подразумевающее «ненавижу, и неверно, что я ненавижу», а также «люблю, и неверно, что я люблю». Понимать противоречие *Odi et amo* как субконтрарное — это существенное снижение остроты ситуации, то есть потеря значительной части поэтического смысла. Но поскольку контрадикторность для кого-то из наблюдателей тут может быть слишком прикрыта лексикой, приведем еще более формальный пример контрадикторного противоречия — у Виктора Сосноры (из книги «Пьяный ангел», 1969). Пример этот интересен еще и тем, что в нем контрадикторное

противоречие выходит за пределы психологических ощущений:

- (19) Мне и спится, и не спится.
Филин снится и не снится.

Один из наших оппонентов возразил следующим образом на трактовку этих высказываний как содержащих контрадикторное противоречие: «„Спится и не спится“ означает, видимо, что то так, то эдак, или что хочешь заснуть и засыпаешь, но что-то мешает. Это процессы, а не состояния, они могут идти параллельно. Филин то всплывает в грёзах, то исчезает»³⁷. — Хорошо, что покойный Виктор Александрович это не прочитает, а то бы он мог вспылить. Он обычно настаивал, что пишет ровно то, что считает нужным написать. Если бы он хотел сказать о чередовании разных грёз и состояний, то он бы вполне сумел это сделать. В стихотворении речь идет именно о весьма специфическом состоянии всей реальности. Следующие строки там, тоже про филина, —

- (20) На пушистые сапожки
шпоры надевает.
Смотрит он глазами кошки,
свечи зажигает...

Что удивительного, если филин с такими способностями, в пушистых сапожках со шпорами, может еще и сниться и не сниться одновременно?

Между прочим, примеры из Катулла и Сосноры лишней раз показывают, насколько далеко мышление поэтов, а также и обычных людей — их понимающих читателей — от догматического неверия Дэвида Льюиса в реальность противоречий. Ни Катулл, ни Соснора не стали бы утверждать, будто «Ничто не является и ничто не может являться сразу истинным и ложным в буквальном смысле слова. Это мы знаем точно, *a priori*, и без всякого исключения...». А их преданные читатели если бы и поверили Льюису, то только на тот момент, когда забыли бы стихи любимых поэтов.

К чьим интуициям должна оказаться ближе реальная логика естественного языка — к интуициям поэтов, в течение тысячелетий подтверждаемой их аудиторией, или к интуиции тех логиков, которые специально обучались искусственным приемам «правильного» мышления, забывая при этом естественные, то есть «неправильные»?

9. Классификация непрямых значений

Непрямые значения могут образовывать сложные и «многоэтажные» конструкции — например, в различных формах риторики, поэзии и средневековой экзе-

³⁷ Дословно цитируем соответствующее замечание И. Б. Микиртумова.

гетики. В оставшейся части статьи мы предложим классификацию элементарных конструкций, то есть таких, в которых задействовано только два возможных мира. Это будет уточнением и развитием той классификации, которую мы предпринимали в (Lourie, Mitrenina 2019).

Элементарные непрямые значения разделяются на две группы по значению истинности — истинные и ложные. Это разделение можно с некоторой степенью приближения назвать жанровым, так как оно отличает, например, серьезные стихи и загадки от шуточных.

Поэтический троп строится от данности некоего объекта a к неожиданности некоего объекта b , а в загадке путь противоположный: от некоего неожиданного объекта b нужно перейти к данности объекта a . Объекты a и b принадлежат к разным возможным мирам, но лучше не начинать рассуждать о том, который из них (более) актуальный³⁸: их лучше различать как обыкновенный (мир объекта a) и неожиданный (мир объекта b).

Для двух путей, соответствующих поэтическому тропу и загадке, удобно ввести разные обозначения параконсистентной связи, которая в общем случае обозначалась у нас $a \diamond b$. Пусть $a \diamond b$ будет обозначением связи по типу поэтического тропа, а $a \spadesuit b$ — по типу загадки. Тогда можно построить матрицу для правил построения элементарных не прямых значений и для стандартных способов нарушения этих правил. Способы нарушения правил относятся, разумеется, к более редким явлениям, но для понимания самих правил они дают чрезвычайно много. Едва ли вообще можно говорить о понимании какого-либо правила без понимания того, как оно нарушается.

В нижеследующей таблице мы уже не будем учитывать различия по логической природе неконсистентной связи — то есть является ли она параконсистентной (как в метафоре), параконфликтной (как в метонимии) или диалектической (как в некоторых видах иронии и вообще в высказываниях, подразумевающих одновременное отрицание и утверждение одного и того же).

Проблема качества параконсистентной связи (или, другими словами, ее силы) заслуживала бы отдельного обсуждения. Ее прочность зависит от двух конфликтующих требований: неочевидности (неизбитости сравнения и т. п.) и очевидности (линии значения должны строиться на существенных признаках объектов, а не на невыразительных или сохраняемых в совершенно недоступной тайне). В таблице 1 качество параконсистентной связи, как и ее природа, не учитывается.

Нарушение правил построения элементарного непрямого значения приводит к несколько странным, но тоже важным для человеческой культуры типам высказываний. Осмысленность высказывания может сохраняться при потере любого одного из трех элементов группы $a \diamond b$. В случае отсутствия одного из объектов мы будем писать знак пустого множества, в случае отсутствия какой бы то ни

³⁸Для наших целей сложная онтология системы возможных миров не важна; она может быть вынесена за скобки.

было связи вместо параконсистентной связи \diamond мы будем писать $\prec \succ$, и, наконец, в случае тривиализации — и поэтому обесмысливания — параконсистентной связи мы будем писать $\prec \diamond \succ$. Таким образом, для параконсистентной связи мы введем еще две категории: «отсутствующая» и «обесмысленная». Для соответствующих случаев (строки 5 и 6 в таблице 1) определение значений истинности в рамках двузначных логик, приведенное в таблице 1, окажется неадекватным (мы это обсудим ниже).

В таблице 1 астерисками помечены нестабильные образования: они не встречаются в изолированном виде, но сразу же достраиваются до других конструкций, стабильных. Для некоторых жанров литературы абсурда мы будем использовать английский термин «анти-юмор».

№	Структура	Значение истинности:	
		истинно	ложно
1	$a \diamond b$	Поэтический троп	Шутка или пародия
2	$a \diamond b$	Загадка обычного типа	*Антизагадка типа не- a
3	$a \diamond \emptyset$	Анти-юмор типа $b = \emptyset$	*Антиметафора (*антиметонимия) типа $b \neq \emptyset$
4	$\emptyset \diamond b$	Загадка без отгадки	*Антизагадка типа $a \neq \emptyset$
5	$a \prec \succ b$	Загадка Шляпника (истинностное значение не может возникнуть)	
6	$a \prec \diamond \succ b$	«Армянская загадка» (истинностное значение всегда тривиально)	

Таблица 1

Первая строка таблицы 1 не нуждается в пояснениях, зато все остальные нуждаются.

Вторая строка. Загадка представляет собой данность некоей ситуации в возможном мире неожиданных сопоставлений, а отгадку требуется найти в мире привычном³⁹. Достраиваемая отгадкой пропозиция предполагается истинной. Что будет, если она предполагается ложной? Возникнет нестабильная структура, которая никогда не встречается сама по себе (ее мы и назвали *антизагадкой), но чье значение в практике употребления естественного языка велико, а в некоторых культурах — огромно. Это загадка с неправильной отгадкой, причем неправильная отгадка представляет собой вполне конкретный объект (a). Сама по себе она стабильно не существует, но быстро трансформируется в более сложную и уже не элементарную конструкцию, в которой появляется еще один, уже третий, возможный мир; так загадка взамен своей первой «неправильной» разгадки получает вторую и правильную. В современной русской культуре это область юмора. Например: «Висит груша, нельзя скушать»; «неправильный» ответ: «лампочка»; «правильный» ответ: «тетя Груша повесилась». Однако в средневековой народной культуре второй смысл в загадке был нормативен и служил для зашифрованной передачи табуированных (обычно сексуальных) значений (Сендерович 2008: 15).

³⁹Подробнее о загадках см. (Lourié, Mitrenina, 2015).

Внутреннее сродство поэтического тропа и загадки проявилось в одном из аргументов против логической неконсистентности метафор⁴⁰:

Когда сравнивают А и Б, для понимания метафоры я должен знать свойства того, что сравнивается, иначе она пройдёт мимо меня. То, что А и Б не одно и то же, противоречия не составляет. Метафору я понимаю, когда догадываюсь, почему А названо именем «Б», т. е. нахожу сходство признаков. Непонимание метафоры состоит имен в этом. Если я никогда не пил вина, я не знаю, что значит «терпкий», поэтому что такое «терпкий слог» автора, мне не понять. Если я знаю, что такое терпкость, то и тут ещё нет гарантии, что я найду в тексте те места, которые критик охарактеризовал бы как терпкие. Полное понимание достигается тогда, когда я эти места текста таки нашёл и опознал именно благодаря метафоре. Это и есть инсайт.

Действительно, это инсайт, но инсайт от разгадывания загадки, а не раскрытия обыденного мира через поэтический троп. Можно сказать, что инсайт от разгадывания загадки — это по сути инсайт узнавания, который есть и в научной деятельности, и вообще в том особом удовольствии, которое человек получает от познания. Метафора отличается от загадки не самим фактом инсайта как переживания противоречия, а тем, что именно становится видно в свете этой вспышки инсайта. Загадка показывает обычный объект из необычного мира, а метафора показывает необычный мир актуализированным в обычном объекте. В том и другом случае открывается необычное в обычном.

Элемент загадки может присутствовать и в разгадывании иронии⁴¹. Так, человек, знающий о том, что X поступил плохо, может сначала не понять иронию, когда слышит высказывание «X — хороший товарищ»; он только видит вопиющий контраст этого высказывания с реальностью. Он задумывается о мире говорящего: «Тогда я спрашиваю, почему собеседник указал на то, чего нет? Ошибся? Пошутил? Иронизирует? Эвфемизм, — догадываюсь я. Вот тут инсайт касается как раз противоречия, несоответствия». То же самое часто бывает с шутками, когда нужно понять, шутит собеседник или всерьёз.

Неудивительно, что возникают и такие литературные жанры, где поэтические тропы одновременно являются загадками. В некоторых культурах они не только чрезвычайно продуктивны, но оказываются в числе самых главных типов культурных кодов: это, например, кеннинги в поэзии скальдов (древнеисландское *kenninǰar*, от глагола *kenna* 'обозначать') и в древнеанглийской поэзии.

Третья строка. Кажется, что мы должны угадать какое-то необычное соответствие для чего-то обычного, но такого соответствия нет и изначально не

⁴⁰Высказано И. Б. Микиртумовым.

⁴¹Благодарим И. Б. Микиртумова, который обратил наше внимание на это явление. Мы пересказываем его рассуждение; цитата в кавычках — дословная.

предусматривалось. Так устроен классический пример английского анти-юмора, впервые опубликованный в 1847 году: «Зачем курицы перешли дорогу?»; правильный ответ: «Чтобы оказаться на другой стороне». Таким образом, в мире необычных объектов наши обыкновенные курицы не находят вообще никакого соответствия. Здесь подразумевается, что этот ответ правильный, то есть его значение истинности — «истинно». Но такая структура хотя и стабильна, но не очень. Она провоцирует на заполнение пустого места, приняв отсутствие ответа ($b \neq \emptyset$) за неправильный ответ. При восприятии «правильного» ответа как неправильного возникает некая совсем уже нестабильная структура, аналогичная *антизагадке, но, в отличие от нее, соответствующая структуре поэтического тропа (метафоры или метонимии) со значением истинности «ложно», то есть пародии. Но ложным тут оказывается не какое-то обычное значение b , а пустота. Поэтому на месте такой нестабильной структуры сразу же возникают стабильные, с многочисленными вариантами заполнения пустоты. Процесс этого заполнения не сдерживается оглядкой на конкретное b . Сегодня это сотни, если не тысячи вариантов ответа относительно цели, которую преследовали курицы, переходя дорогу (например, с точки зрения различных философов).

Исторически подобные логические конструкции занимают важное место в фольклоре, где на них основан особый жанр, называемый в русской традиции «докучной сказкой» (один из наиболее коротких примеров — «Жили-были два гуся. Вот и сказка вся»)⁴².

Четвертая строка. При значении истинности «истинно» это просто загадка, не имеющая отгадки (не буддийский коан, в котором, если он сформулирован в виде загадки, отгадка невербализуема, но существует, а именно настоящее отсутствие отгадки). Опять можно взять пример в специфическом английском анти-юморе: «У меня есть очки, но я не могу видеть. У меня есть ноги, но я не могу ходить. Кто я такой?»; ответ: «Загадка». И опять велик соблазн признать этот ответ неправильным, что соответствует небольшой стабильности подобной структуры (то есть редкости подобных загадок). В случае же признания ответа неправильным, мы получаем совершенно нестабильную *антизагадку типа типа $a \neq \emptyset$, которая тут же порождает множество разнообразных отгадок. Ситуация, однако, отличается от *антиметафоры (*антиметонимии), так как отгадки принадлежат привычному миру, и их не так интересно придумывать.

Тип непрямого значения «загадка без отгадки» не такой редкий, как можно подумать. Он может возникать в некоторого типа пародиях, как в одной из пародий Владимира Соловьева на символистов («Горизонты вертикальные...», 1895):

⁴²Классическое описание в не устаревшей до сих пор (написана в 1929, впервые издана по-украински в 1932) статье А. И. Никифорова (1893–1942) «Русская докучная сказка» (Никифоров 2008: 122–186); вопреки названию, статья касается не только русского фольклора. Благодарим М. В. Ахметову за открытие для нас увлекательного мира докучных сказок.

- (21) Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,
И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый Пегас.

Эта пародия была задумана философом как нагромождение поэтических тропов, не относящихся ни к какой реальности. Автор почувствовал, что некое произвольное, но сделанное от души нагромождение метафор не даст нужного эффекта, и поэтому постарался насытить свой текст еще и «круглыми квадратами» («горизонты вертикальные», «льдины огнедышащей»). Он еще не знал о нашей современной семантике невозможных миров, но, ее предчувствуя, понял, что и такой меры не будет достаточно. Поэтому последние два стиха этой пародии скатываются на гораздо более прозаическую брань. Видимо, написать красиво, но по-настоящему бессмысленно — невозможно, и это по той же причине, по которой Витгенштейн написал, что «в некотором смысле, мы неспособны делать ошибки в логике» (*Трактат* 5.473).

Пятая строка. Отсутствие неконсистентной связи. Это загадка Шляпника из «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэролла (гл. 7): «Что общего между вороном и письменным столом»? Как выясняется, никто ничего об этом не знает. Тут, казалось бы, не образуется никакой пропозиции, поэтому нечему принимать значение истинности. Структура такой имитации пропозиции не очень стабильна, что доказывается не только ее редкостью, но и стремлением многих, включая самого Льюиса Кэролла в конце жизни, придумать какой-нибудь ответ⁴³. Если, однако, понимать пропозицию в более общем смысле, то она здесь образуется, и эта загадка тоже имеет смысл, о чем мы скажем чуть ниже.

Шестая строка содержит очень важный для понимания устройства человеческого мышления тип загадки, оцененный по достоинству еще Фрейдом в 1905 году, у которого мы едва ли не впервые встречаем ее пересказ (Freud 1940: 246). Название жанра «армянская загадка» впервые встречается в 1921 году у Р. О. Якобсона, который приводит ее текст следующим образом (Якобсон 1987: 392):

- (22) Висит в гостиной, зеленая. Что такое? — Оказывается: селедка! — Почему в гостиной? — А разве не могли повесить? — Почему же зеленая? — Выкрасили. — Но зачем? — Чтобы труднее было отгадать⁴⁴.

⁴³См. примечание 5 Мартина Гарднера к главе 7 в (Carroll 2000: 71–73); цитируется объяснение Льюиса Кэролла из его предисловия к переизданию 1896 года, где Кэролл приводит собственный вариант отгадки, но тут же замечает: “This, however, is merely an afterthought; the Riddle, as originally invented, had no answer at all” («Это, однако, всего лишь объяснение задним числом; загадка, как она была изначально задумана, не имела ответа вообще»).

⁴⁴В пересказе Фрейда о загадочный предмет еще можно было вытереть руки, чем провоцировался неправильный ответ «полотенце»; на вопрос, почему же о селедку предлагается вытирать руки, ответ был «Вы можете и не вытирать».

С этой загадкой (которая далеко не является уникальной, а представляет определенный тип⁴⁵) мы переносимся в такие возможные миры, которые всегда можно подобрать, чтобы сделать истинным совершенно любое утверждение. Кажется, что здесь вместо нетривиального значения истинности «истинно» или «ложно» нам предлагается значение «истинно», но тривиальное. Отсутствие нетривиальных значений означало бы отсутствие неконсистентной связи. Так ли это на самом деле? Если бы это было так, то жанр «армянской загадки» не мог бы существовать — не говоря о том, чтобы обрести популярность в качестве особого жанра. Просто факт существования жанра «армянской загадки» обязывает нас признать, что в «армянской загадке» наличествует некоторый нетривиальный смысл. Если мы не можем найти для него место в нашей концептуальной системе, то это говорит о недостаточной адекватности самой этой системы: она не дает интерпретации всем видам непрямых значений в естественном языке, хотя и охватывает подавляющее большинство случаев.

Итак, две последние строки таблицы 1 показали неполноту нашей теории непрямых значений, в которых они интерпретируются с помощью неконсистентных логик и двух значений истинности. При этом неконсистентные логики сохраняют свою центральную роль, только особым образом. Так, в строке 5 мы видим имитацию наличия неконсистентной связи (которая всегда бывает в загадках), а эффект, то есть смысл высказывания, понимается тогда, когда мы выясняем, что такой связи нет. Две части загадки Шляпника, ворон и письменный стол, однако, все равно остаются связаны — пусть и не наличием какой-то связи, но хотя бы ее отсутствием — но это именно ее отсутствие, а не просто пустое место (то, что Ю. М. Лотман назвал «минус-приемом»).

В строке 6 мы видим имитацию наличия неконсистентной связи (той же, что в загадках), а эффект, то есть смысл высказывания понимается тогда, когда мы выясняем, что вместо неконсистентной связи нам подсунули консистентную. Консистентность связи требует тривиализации видимого противоречия, которое формулируется в загадке, — в точности по принципу *ex contradictione quodlibet*. Это загадка, в качестве отгадки которой годится произвольный предмет.

Наличие подобных примеров заставляет задуматься о том, что логика естественного языка не всегда сводится к двузначной. В рамках двузначной логики мы тут должны были сказать, что пропозиция (5) не принимает никакого значения, а пропозиция (6) принимает только тривиальное значение. Это контринтуитивно и неверно, поскольку пропозиции подобной структуры существуют в человеческой культуре как значимые. Это заставляет их интерпретировать в четырехзначной логике, в которой к значениям истинности «истинно» и «ложно» добавляются значения «ни истинно, ни ложно» (подходит для нашего примера в строке 5) и «истинно и ложно» (для строки 6). Такие четыре значения имеются в одной из

⁴⁵См. другие примеры в (Шмелева, Шмелев 2002: 100–101).

традиционных буддистских логик *catuscoṭi* («тетралемма»), которая может быть интерпретирована как неконсистентная логика (Priest 2010).

Примеры, приведенные в строках 5 и 6, важны для нашей теории как указатели границ ее применимости. Их можно не принимать во внимание, когда мы рассуждаем о поэтических тропах, загадках, юморе и иронии, но их нужно будет учитывать в более общем очерке логики и семантики естественного языка.

10. Заключение

Непрямые значения подразумевают противоречия. Семантика не прямых значений подразумевает логику, основанную на противоречиях, то есть логику неконсистентную.

Именно противоречие является источником того внезапного озарения, инсайта, которым описывал действие метафоры Дональд Дэвидсон. Однако Дэвидсон отказывался включать это явление в область семантики, так как не рассуждал даже о самой возможности для логики естественного языка оказаться неконсистентной. В противоположность Дэвидсону, Яакко Хинтикка и Габриэл Санду создали семантическую теорию поэтических тропов, в которой описали «анатомию» метафоры и метонимии, но не смогли описать ее «физиологию» — тот самый «инсайт». Фактически их теория перефразировала теорию метафоры Аристотеля, которая вполне узнаваемо описывала, как метафора выглядит, но не объясняла, за счет чего она работает. Наша теория не прямых значений дополняет теорию Хинтикки и Санду неконсистентной логикой и позволяет вернуть теорию Дэвидсона в область семантики. Идея о том, что семантика поэтических тропов подразумевает неконсистентную логику, была впервые высказана в 1987 году Лоренцо Пенья.

Неконсистентная логика не прямых значений устроена в соответствии с представлениями Р. О. Якобсона о метафоре и метонимии как двух полюсах, между которыми имеется континуум и диффузная зона вместо четкой границы. Полюсу метафоры соответствует параконсистентная логика (основанная на субконтрарном противоречии), полюсу метонимии — паракомплектная (основанная на контрарном противоречии), а в диффузной области между метафорой и метонимией один и тот же троп использует обе логики сразу. Метафора и метонимия могут смешиваться в одном выражении, но соответствующие им логики никак не меняются. Конъюнкции паракомплектной и параконсистентной логик, то есть логике диалектической, основанной на контрадикторном противоречии, соответствует не зона нечеткости между полюсами метафоры и метонимии, а совмещение самих полюсов. Соответствующий механизм образования не прямых значений также весьма распространен в естественном языке.

Соглашаясь с теорией Хинтикки и Санду, мы считаем, что пропозиции, содержащие не прямые значения, принимают нетривиальные значения истинности в том же смысле, в каком говорится о значениях истинности всех остальных про-

позиций. В отличие от Хинтикки и Санду, которые при этом считали значения истинности безразличными для понимания непрямых значений, мы считаем, что только присвоением соответствующим пропозициям значения истинности заканчивается понимание их смысла.

На основании предлагаемой теории построена классификация видов непрямых значений, существующих в естественном языке.

Литература

- Васюков 2004–2005 — *Васюков В. Л.* Не-фрегевский путеводитель по гуссерлевским и мейнонговским джунглям. I–II // *Логические исследования.* 2004–2005. Вып. 11. С. 99–118. Вып. 12. С. 146–161.
- Долгоруков, Зевахина, Попова 2021 — *Долгоруков В. В., Зевахина Н. А., Попова Д. П.* Введение в лингвистическую прагматику. М.: УРСС, 2021.
- Лурье 2020 — *Лурье В. М.* Логика иконопочитателей в период второго иконоборчества // *Логика и онтология в византийской догматической полемике. Очерки под редакцией Д. С. Бирюкова и В. М. Лурье.* СПб.: Центр содействия образованию, 2020. С. 239–254. (Византийская философия. Т. 19).
- Микиртумов 2011 — *Микиртумов И. Б.* Аспекты значения и «праша» Дэвидсона // *Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии / под ред. Е. Г. Драгалиной-Чёрной и Д. В. Зайцева.* М.: Креативная экономика, 2011. С. 126–142.
- Никифоров 2008 — *Никифоров А. И.* Сказка и сказочник / сост. Е. А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008.
- Сендерович 2008 — *Сендерович С. Я.* Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Фреге 2000 — *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. Сб. трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р.* Избранные работы / сост. и общая редакция В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985.
- Якобсон 1987 — *Якобсон Р. О.* О художественном реализме // *Работы по поэтике / сост. и общая редакция М. Л. Гаспарова.* М.: Прогресс, 1987. С. 387–393.
- Arenhart, Krause 2012 — *Arenhart J. R. B., Krause D.* Classical logic or non-reflexive logic? A case of semantic underdetermination // *Revista Portuguesa de Filosofia.* 2012. Vol. 68. P. 73–86.
- Béziau 2003 — *Béziau J.-Y.* New Light on the Square of Oppositions and its Nameless Corner // *Logical Investigations.* 2003. Vol. 10. P. 218–232.
- Béziau 2012 — *Béziau J.-Y.* The Power of Hexagon // *Logica Universalis.* 2012. Vol. 6. P. 1–43.

- Carroll 2000 — *Carroll L.* The Annotated Alice. The Definitive Edition / introduction and notes by M. Gardner. New York: W. W. Norton & Co., 2000.
- Chomsky 2013 — *Chomsky N.* Problems of Projection // *Lingua*. 2013. Vol. 130. P. 33–49.
- Chomsky 2015 — *Chomsky N.* Problems of Projection: Extensions // Structures, Strategies, and Beyond: Studies in Honour of Adriana Belletti / ed. by E. Di Domenico, C. Hamann, S. Matteini. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 1–16. (*Linguistik Aktuell / Linguistics Today* 223).
- Church 1996 [1944] — *Church A.* Introduction to Mathematical Logic. Princeton, N.Y.: Princeton University Press. (Princeton Landmarks in Mathematics and Physics), 1996 [1944].
- Da Costa, de Ronde 2014 — *Da Costa N. C. A., de Ronde C.* Non-reflexive Logical Foundation for Quantum Mechanics // *Foundations of Physics*. 2014. Vol. 44. P. 1369–1380.
- Davidson 1984 — *Davidson D.* What Metaphors Mean // *Idem.* Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 245–264.
- Frege 2008 [1962] — *Frege G.* Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien, Textausgabe / hrsg. von G. Patzig. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008 [1962].
- French, Krause 2006 — *French S., Krause D.* Identity in Physics: A historical, philosophical and formal analysis. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Freud 1940 — *Freud S.* Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten // *Idem.* Gesammelte Werke chronologisch geordnet / hrsg. von A. Freud. Bd. 6. London: Imago Publishing, 1940. P. 206–269.
- Grice 1975 — *Grice H. P.* Logic and conversation // *Speech acts (Syntax and Semantics 3)* / ed. by P. Cole, J. Morgan. New York—London: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Grice 1989 — *Grice H. P.* Studies in the way of words. Harvard: Harvard University Press, 1989.
- Hintikka, Sandu 1994 — *Hintikka J., Sandu G.* Metaphor and Other Kinds of Nonliteral Meaning // *Aspects of Metaphor (Synthese Library 238)* / ed. by J. Hintikka. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 151–188. Repr.: *Hintikka J.* Selected Papers. Vol. 4: Paradigms for Language Theory and Other Essays. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 274–310.
- Jakobson 1971 — *Jakobson R.* Linguistic types of aphasia // *Idem.* Selected Writings. Vol. II. Word and Language. The Hague—Paris: Mouton, 1971. P. 307–319.
- Kaplan 1979 — *Kaplan D.* Transworld heir lines // *The possible and the actual: Readings in the metaphysics of modality* / ed. by Michael J. Loux. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1979. P. 88–109.
- Lewis 1982 — *Lewis D.* Logic of equivocators // *Noûs*. 1982. Vol. 16. P. 431–444. Repr.: *Lewis D.* Papers in Philosophical Logic. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. (*Cambridge Studies in Philosophy*). P. 97–110.
- Lourié 2019 — *Lourié B.* What Means ‘Tri-’ in ‘Trinity’? An Eastern Patristic Approach to the ‘Quasi-Ordinals’ // *Journal of Applied Logic*. 2019. Vol. 6. P. 1093–1107.
- Lourié, Mitrenina 2015 — *Lourié B., Mitrenina O.* Semantics of Poetical Tropes: Non-Fregeanity and Paraconsistent Logic // *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in*

- honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata / eds. P. Arkadiev et al. Moscow: LRC Publishers, 2015. P. 177–191.
- Lourié, Mitrenina 2019 — *Lourié B., Mitrenina O.* The Role of Truth-Values in Indirect Meanings // Language, Music and Computing—Second International Workshop, LMAC 2017, Revised Selected Papers / ed. by P. Eismont, O. Mitrenina, A. Pereltsvaig. Springer Nature, 2019. P. 185–206. (Communications in Computer and Information Science 943).
- Lowe 1998 — *Lowe E. J.* The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Lowe 2009 — *Lowe E. J.* More Kinds of Being: A Further Study of Individuation, Identity, and the Logic of Sortal Terms. Chichester: Wiley Blackwell, 2009.
- Merricks 1998 — *Merricks T.* There Are No Criteria of Identity over Time // *Noûs*. 1998. Vol. 32. P. 106–124.
- Partee 2013 — *Partee B.* Montague’s “linguistic” work: Motivations, trajectory, attitudes // Proceedings of Sinn und Bedeutung 17. September 8–10, 2012. Paris, 2013. P. 427–453.
- Peña 1985 — *Peña L.* La dicotomía entre *mostrar* y *decir* y la noción de sentido en el *Tractatus* // *Estudios Humanísticos*. 1985. T. 7. P. 145–170.
- Peña 1987 — *Peña L.* La ruptura del sistema lógico en la teoría poética de Carlos Bousoño // *Anthropos*. 1987. No. 73. P. 43–50.
- Priest 2010 — *Priest G.* The Logic of *Catuskoti* // *Comparative Philosophy*. 2010. Vol. 1. P. 24–54.
- Priest, Berto, Weber 2018 — *Priest G., Berto F., Weber Z.* Dialetheism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/dialetheism/> (accessed: 07.12.2020).
- Priest, Tanaka, Weber 2018 — *Priest G., Tanaka K., Weber Z.* Paraconsistent Logic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/logic-paraconsistent/> (accessed: 07.12.2020).
- Searle 1979 — *Searle J. R.* Metaphor // Expression and meaning: studies in the theory of speech acts / ed. by J. R. Searle. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 76–116.
- Sylvester 1875 — *Sylvester J. J.* On a Lady’s Fan, on Parallel Motion, and on an Orthogonal Web of Jointed Rods // Proceedings of London Mathematical Society. 1875. Vol. 6. P. 196–197. Repr.: *Sylvester J. J.* The Collected Mathematical Papers. Vol. 3. Cambridge: University Press, 1909. P. 35–36.
- Tarski 1935 — *Tarski A.* Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen // *Studia Philosophica*. 1935. Bd. 1. S. 261–405.